

ТАХИР ШАХ

В СТРАНЕ

«ТЫСЯЧИ И

ОДНОЙ НОЧИ»

Тахир Шах

В стране «Тысячи и одной ночи»

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Шах Т.

В стране «Тысячи и одной ночи» / Т. Шах — «ЭННЕАГОН
ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-078-8

Знакомство с королевством Марокко: истории, сказки, притчи и те, кто их
рассказывает.

ISBN 978-5-91051-078-8

© Шах Т.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	25
Глава пятая	37
Глава шестая	46
Глава седьмая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Тахир Шах В стране «Тысячи и одной ночи»

Знакомство с королевством Марокко: истории, сказки, притчи и те, кто их рассказывает

Книга посвящается моей тете Амине Шах, непревзойденной сказительнице

*Нас всех несет караван сновидений.
Караван-сон, сон-караван.
И постигли мы суть снов:
В них наша надежда.*

Шейх Бахауддин ¹

¹ Бахауддин Мухаммад Накшбанди (1318 – 1389) – суфийский шейх. – Здесь и далее – прим. перев.

Однажды правитель страны призвал Насреддина и приказал ему отыскать наиглупейшего человека и привести его во дворец как придворного шута. Тот заезжал в каждый городок, в каждую деревню, но не мог найти того, кто оказался бы достаточно глуп для такой должности. В конце концов, он вернулся ни с чем.

– Ты отыскал самого большого глупца в стране? – спросил у него правитель.

– Да, – ответил Насреддин, – но он слишком занят поисками глупца на должность придворного шута.

«Мир Насреддина» Идриса Шаха ²

---

² Идрис Шах (1924 – 1996) – писатель и ученый афганского происхождения, популяризатор суфийского учения; отец Тахира Шаха.

Глава первая

*Будь в миру, а не вне мира.
Арабская пословица*

В камере пыток все было готово: веревки для подвешивания вниз головой, ряды заостренных кольев, нюхательная соль, использованные шприцы с темной жидкостью, потертые кожаные ремни, крестовины, хомуты, клещи, орудия, ломающие кости... На полу в центре был устроен сток, на стенах и везде – потеки крови. Мне завязывали глаза потуже, раздевали догола и заковывали в кандалы, заводя руки далеко за спину. Вот уже неделю тянулись нескончаемые ночные допросы: с какой целью я приехал в Пакистан?

Что еще я мог сказать кроме правды: в Пакистане я проездом из Индии в Афганистан, хочу снять документальный фильм об утраченных сокровищах моголов. Меня со съемочной группой схватили прямо посреди жилого квартала, увезли в неизвестном направлении и бросили в тюрьму, которую сами тюремщики называли «Хлево».

Я пытался убедить военного следователя: никаких преступлений мы не совершали. Но военная полиция, обнаружив в пограничной провинции британского подданного с мусульманским именем, да еще и въехавшего в страну из враждебной Индии, среагировала моментально.

Каждую ночь мне завязывали глаза и допрашивали под несмолкаемые вопли заключенных – от этих звуков в тюрьме никуда не денешься. Снова и снова я отвечал на одни и те же вопросы: какова истинная цель твоей поездки? что тебе известно об афганских базах аль-Каиды? И даже: почему у тебя индийская жена? Прошла неделя, и мне перестали завязывать глаза, прежде чем отвести в камеру пыток. Когда я немного привык к слепящему свету ламп, то впервые огляделся и увидел, что это была за комната.

Допросы велись исключительно ночью, хотя в «Хлеву» день от ночи ничем не отличался. Высоко под потолком моей камеры круглые сутки горела люминесцентная лампа. Я сидел и ждал, когда звякнут ключи и раздадутся гулкие удары шагов по каменному полу. Это означало, что за мной снова пришли. Я собирался с духом и произносил молитву, стараясь выкинуть мысли из головы. Ясный ум – залог спокойствия.

Ключи снова звякали, решетка приоткрывалась – ровно настолько, чтобы просунуть в щель руку и схватить меня.

Сначала – повязка на глаза, затем – кандалы.

Попробуйте выключить свет, и вы поймете, как обостряются при этом остальные чувства. Я слышал сдавленные крики заключенного, которого пытали в камере напротив, чувствовал на языке вкус пыли с улицы. Большую часть времени я сидел в своей камере, скрючившись, и привыкал к одиночеству. Оказавшись в чужой стране в камере одиночного заключения, будучи на волосок от смерти – а приговор могут привести в исполнение в любую минуту, – вы стараетесь забыть, где находитесь.

Сначала я читал надписи на стенах. Я перечитывал их снова и снова, пока не почувствовал, что схожу с ума. Ни ручек, ни бумаги заключенным не полагалось, так что моим предшественникам приходилось проявлять изобретательность. Они царапали фразы собственной кровью и испражнениями. Поначалу я силился осмыслить эти проявления чужого безумия. Потом опустился на бетонный пол, стараясь дышать как можно медленнее, чтобы хоть как-то успокоиться, хоть мне и было неописуемо страшно.

Настоящий ужас разрушает. Вы обливаешься потом, да так, что кожа сморщивается, как после долгого пребывания в воде. Спустя некоторое время к запаху пота примешивается запах кошачьей мочи – не что иное, как адреналин. Как бы тщательно вы не мылись, его не избыть.

Вы задыхаетесь от зловония, мышцы деревенеют от скопившейся в них молочной кислоты, вы впадаете в отчаяние, теряя способность соображать.

Оставалось лишь одно средство сохранить здравый ум – думать о той жизни, которой меня лишили, представлять, как я снова ей живу... мечтать о том, что еще совсем недавно было реальностью.

Белые стены камеры стали для меня чем-то вроде киноэкрана – на них я видел рай, куда так стремился вернуться. Любовь к дому и всему, что с ним связано, отмыла стены добела, очистила их от кровавых надписей и вызванного ужасом смрада. Чем страшнее мне становилось, тем упорнее я возвращался мыслями к ставшему мне родным марокканскому дому – Дар-Калифа, дворцу калифа.

Там – дворики с журчащими фонтанами и певчими птицами, сады, где маленькие Тимур и Ариана, мои сын и дочь, играли с черепахами и запускали воздушных змеев. Там – яркое летнее солнце, фруктовые деревья, голос жены Рашаны, зовущей детей обедать. Там – бабочки лимонного цвета, ярко-красные цветы гибискуса, полыхающие бугенвиллеи, шмели, с гудением летающие среди жимолости.

Часами я смотрел на голые стены и видел на них, как на экране, свои воспоминания. Цвета были невероятно яркими, мне виделись мельчайшие подробности той нашей жизни на окраине Касабланки. Сейчас, когда на чаше весов лежало мое будущее, мне оставалось лишь молиться. Молиться о возвращении к той жизни, к незатейливой мелодии повседневности, иногда прерываемой сущими пустяками.

Проводя день за днем в одиночестве, я скитался по лабиринту воспоминаний. Я задался целью припомнить все, до мельчайших подробностей.

Воспоминания начались с детства, с того момента, когда я впервые ступил на марокканскую землю.

Было это в начале семидесятых. Наш паром отчалил от берегов Испании и пересек Гибралтарский пролив. Приютившийся в северо-западной оконечности Африки Танжер привлекал самую разношерстную публику: битников и хиппи в одеждах немислимых расцветок, торговцев наркотиками и уклонистов от армии, писателей, поэтов, бродяг и философов. Вся эта людская масса перемешалась, как варево в котле. Мне, пятилетнему ребенку, не дано было понять тот мир, но я отчетливо запомнил его. В том мире витали ароматы цветущих апельсинных деревьев, согретых таким ярким солнцем, что приходилось щуриться.

Мой отец родился в Афганистане, но он не мог свозить нас с сестрой к себе на родину – в стране было слишком опасно. Зато мы часто ездили с ним в Марокко. Думаю, отец мыслил тогда как любой восточный человек: у обеих стран много общего, говорил он: потрясающие виды, горы и пустыни, древний племенной уклад жизни, приверженность строгой морали и соблюдение кодекса чести. И все это на фоне самобытных культурных традиций.

Ожившие воспоминания о каждом мгновении тех первых путешествий одно за другим появлялись на выбеленной стене одиночества. Я поймал себя на мысли, что думаю о рассказах, услышанных от отца во время наших поездок по пустыне – истории становились связующим звеном между реальностью и вымыслом.

Меня по-прежнему водили на допросы, я слышал звяканье ключей, ел бобовую похлебку – миску просовывали под решетку, а по ночам мне снились кошмары. Единственной отдушиной были утренние и вечерние сеансы, когда я неотрывно глядел на стены и видел сменяющие друг друга картины. Со временем я обнаружил, что вспоминаю события, о которых уже почти забыл, причем, в таких подробностях, о которых и не подозревал. Я вспомнил, как пошел в первый класс, вспомнил, как впервые упал с дерева, как однажды едва не спалил дотла родительский дом.

Но лучше всего я помнил отцовы сказки. Вот он разглаживает свои темные усы, спускаясь к подбородку, и я слышу слова, которые переносят меня в другой мир: «Давным-давно...».

Порой меня захлестывали волны страха. Я почти лишился чувств, цепенел от неистовых, нечеловеческих воплей заключенных под пытками. Так же, как птица в пасти хищника готовится встретить свой конец, я гнал от себя все мысли, стремясь к тишине. Она наступала только тогда, когда неопределенность и страх нарастали, достигая пика. С приходом тишины я начинал слышать голос. Он приносил облегчение, успокаивал, сострадал, он звучал во мне, но шел не из головы, а от сердца.

Тихий голос шел со мной в мою спальню, что осталась далеко, в Доме Калифа. Окна были распахнуты, занавески колыхались, из эвкалиптовой рощи неподалеку доносился шелест листвы.

Звук волшебным образом заполнял пустоту между жизнью в заключении и дальними далями, доступными свободному полету мысли. Вслушиваясь в отголоски волн, шелест жесткой листвы эвкалиптов, я шел через весь дом к террасе. Я подставлял лицо свежему океанскому бризу, и вдруг раздавался какой-то неясный шум – на лужайке перед домом появлялся прямоугольный ковер. Я спускался с террасы, шел по траве и ступал на ковер, ощущая босыми ногами шелковые узелки плетения. Не успевал я опомниться, как ковер уже взмывал в воздух. Он беззвучно пересекал Атлантику: подо мной вздымались и опадали ледяные волны. Ковер летел все быстрее и быстрее, все выше и выше – я видел под собой дугу земли. Мы пролетали над пустынями и горами, океанами и бесчисленными морями. Края ковра поднялись, защищая меня от встречного ветра. После долгих часов полета впереди показались очертания большого города. Город спал, окутанный чернильной тьмой, его минареты устремлялись высоко в небо, а сводчатые крыши наводили на мысли о хранящихся в домах сокровищах. Ковер накренился влево и снизился, зависнув над огромной центральной площадью. Площадь была полна народу. Языки пламени от десяти тысяч факелов словно лизали темноту ночи.

Множество воинов в позолоченных доспехах несли караул. Напротив них были привязаны кони в парчовых чепраках, слоны под попонами и с паланкинами на спинах, тут же был устроен загон для тигров и установлена сверкающая драгоценными камнями карусель. На огромных вертелех жарились бычьи туши, в котлах варилась баранина на молоке, на блюдах лежали куски тушеной верблюжатины, а на громадных подносах высились горы риса и рыбы.

На праздник стеклись толпы людей; их развлекали фокусники и акробаты, тысячи музыкантов усаждали их слух игрой на флейтах. Здесь же неподалеку на помосте возвышался трон из чистого золота, устланный редчайшими самаркандскими коврами. На троне восседал тучный правитель в шелковых одеяниях кремового цвета, в массивном тюрбане, украшенном спереди павлиньим пером.

У ног правителя сидела хрупкая молодая девушка с кожей цвета спелого персика и изумрудно-зелеными глазами. Лицо ее отчасти было скрыто покрывалом. Не знаю, как так получилось, но мне передалась ее печаль. Она даже не притронулась к плову в поставленной перед ней пиале. Девушка сидела с опущенной головой, в глазах у нее читалась невыразимая тоска.

Пока волшебный ковер висел над площадью, я успел все разглядеть. Потом ковер заложил вираж вправо, взмыл и полетел обратно – над горами и пустынями, океанами и морями, а в конце путешествия мягко опустился на лужайку возле дома.

В моем сердце с гулом перекатывались волны атлантического прибоя, ветер шелестел листвой эвкалиптов... А в голове звякала связка ключей, бухали по каменному полу коридора сапоги с окованными железом носами.

Глава вторая

*Важно, что сказано, а не кем сказано.
Марокканская пословица*

Когда мы были маленькими, и отец привозил нас в Марокко, он любил говорить: чтобы понять страну, мало просто смотреть и слушать, надо проникнуться ее духом. Он велел нам затыкать ноздри ватой, закрывать уши и зажмуриваться. Только так, по его словам, придет понимание. Нас, детей, это лишь сбивало с толку. Мы задавали тысячи вопросов, и с каждым новым ответом вопросов становилось все больше и больше.

Как-то вечером, уже в сумерках, все наше семейство, привычно теснившееся в стареньком «форде» с большим багажным отсеком, пластмассовыми чемоданами на крыше – вел машину, как всегда, садовник – прибыло в Фес. Тогда я впервые увидел непрístupные стены мрачной средневековой крепости. Мимо проходили люди в джеллабах,³ проезжали груженные бараньими тушами повозки, а откуда-то издали доносились пронзительные звуки музыки – там праздновали свадьбу.

Мы гурьбой высыпали из машины.

В сгущающихся сумерках отец указал на группку мужчин – те сидели на земле перед огромными городскими воротами.

– Наверняка играют в азартные игры, – сказала мать.

– Нет, – ответил отец. – Это хранители древней мудрости.

Я спросил: как это?

– Они рассказывают притчи, – ответил отец.

Отец был убежден: истинный дух страны познается лишь через сказания и притчи ее народа. Частенько он подзывал нас с сестрами и принимался рассказывать, а мы как зачарованные слушали сказки из «Альф Лайла ва Лайла» – «Тысячи и одной ночи». Отец говорил: притчи не просто развлекают ум, но и роняют в душу зерно мудрости. Он не уставал повторять: вслушивайтесь в притчи, они – учебник жизни.

Отцу было очень важным, чтобы притчи и искусство рассказывать их передавалось из поколения в поколение, как эстафетная палочка. Он постоянно подчеркивал: многие притчи, что он нам рассказывал, передаются в нашем роду из поколения в поколение, и мы уже не мыслим себя без них.

Порой отец заговаривал о долге, о тяжком грузе ответственности на моих плечах, и мне становилось невесело. Я любил сказки ничуть не меньше, чем мои школьные друзья, но для меня они значили больше. С малолетства, – я и ходить-то еще толком не умел, – мне твердили: притчи заключают в себе волшебство, в них кроется мудрость, и однажды мне предстоит передать ее своим детям. Вообще-то я никогда всерьез не задумывался над тем, что когда-нибудь наступит время передавать эстафету потомкам.

Но однажды оно наступило.

Как-то вечером я укладывал Ариану спать. Она обвила ручонками мне шею и прошептала на ухо:

– Бабб,⁴ расскажи мне сказку.

Я так и обомлел. Ведь тридцать лет назад эти же самые слова говорил и я!

---

³ Джеллаба – традиционный, обычно шерстяной, балахон с широкими рукавами и капюшоном, надеваемый через голову.

⁴ Папа – обращение, принятое в некоторых мусульманских странах.

Мне казалось, я не готов учить чему-то через притчи. То немного, что я знал, Ариана и Тимур слушали с интересом, но на все мои попытки растолковать скрытый смысл тут же заявляли: они ничего не понимают, и вообще им скучно. Я стал вспоминать, как рассказывал притчи отец, как передавал эстафетную палочку он. И тут же вспомнил: мы с сестрами садимся рядком на бирюзовый диван в его кабинете. А он садится напротив – в огромное кожаное кресло, и чуть подается вперед, сводя кончики пальцев. За его спиной огромные стеклянные двери, из них льется яркий солнечный свет.

– Забудьте о ваших играх, – говорил он, – закройте глаза и слушайте.

Поначалу мы вертелись, не в силах усидеть на месте. Но вот отец начинал, размеренно и плавно: «Давным-давно, в далеком царстве...». При звуках его бархатистого голоса мы тут же забывали обо всем на свете, переносясь в другой мир. Вот как все было. Отец никогда не пускался в объяснения, не раскладывал по полочкам, не отделял правду от вымысла. В этом не было нужды: посеянное по всем правилам зерно в свое время само давало всходы.

Дар-Калифа с его двориками, затененными душистой жимолостью и плетями яркой бугенвиллеи, выложенными мозаикой ручной работы фонтанами, скрытыми за стенами и потайными дверями садами, мощенными терракотовой плиткой полами, резными дверями из кедра, венецианской штукатуркой с замысловатыми геометрическими узорами очаровывает. В нем обостряются все чувства.

Став владельцами Дар-Калифа, мы еще ничего не знали о местной культуре и даже не подозревали о том, насколько жизнь марокканцев пронизана суевериями. С которыми нам тут же пришлось столкнуться. Достаточно провести в Марокко неделю-другую, как вы поймете: все в этой стране буквально пропитано древними традициями Востока. Поначалу местные обычаи совершенно сбивают с толку, иногда даже пугают, но если вообразить, что вы находитесь в халифате времен Харуна ар-Рашида, все становится на свои места. В первые же дни я понял: реальный мир здесь как зеркало, в котором отражаются фантазии «Тысячи и одной ночи».

Вместе с Домом Калифа нам достались и трое сторожей – можно подумать, мы унаследовали их согласно нормам средневекового права. Хамза – старший из сторожей – был высокий, мрачный и сутулый, он будто взвалил на себя бремя забот всего мира. Самый молодой из сторожей, Осман, прислуживал в доме с детства, с его лица никогда не сходила улыбка. Третьего сторожа все звали Медведем, хотя вообще-то он был Мохаммед. У дюжего Мохаммеда были огромные ручищи и крючковатый нос, лицо то и дело дергалось от нервного тика.

Чаще всего Хамза, Осман и Медведь отсиживались в конюшне в дальнем конце сада в надежде, что я про них не вспомню. Если они и заговаривали со мной, то только чтобы напомнить о серьезной угрозе – джиннах.

В западных странах заброшенный дом рано или поздно становится пристанищем бродяг. Может случиться так, что они не оставят от дома камня на камне, да и выселить их бывает трудно. В Марокко же ничего не подозревающего жильца подстерегают сущности гораздо более буйного нрава. Стоит вам выйти всего на минуту, как дом от подвала и до потолочных балок наводняют полчища невидимых духов – джиннов.

В Коране говорится: когда Всевышний вылепил из глины человека, он сотворил и другую форму жизни – из «палящего огня».⁵ Называют такие сущности по-разному, но чаще всего джиннами. Джинны могут поселиться в любом предмете, среди них встречаются добрые, но чаще всего они коварные и злые. Людей они недолюбливают за то, что те, якобы, мешают им жить.

Прошло несколько месяцев, прежде чем мы окончательно отремонтировали дом и избавились от джиннов. Сторожа утверждали: те прячутся в бочках с водой, в уборной, под поло-

---

⁵ Коран 15:26-27 (пер. В. Пороховой)

вицами... Соседство с джиннами или, что еще хуже, с теми, кто в них верит, оказалось нелегким испытанием.

Я безвылазно сидел в Касабланке: ни днем, ни ночью мне не было покоя от непрерывно раздувавшегося штата прорабов и рабочих – каждый из них испытывал страх перед сверхъестественными силами, которые, по их мнению, окружали нас. Но иногда все же удавалось вырваться. Я исколесил всю страну в поисках строительных материалов, ремонтников и заклинателей, способных изгнать коварных джинов. Стоило мне вырваться из хитросплетений городских трущоб, как я тут же забывал о всяких неурядицах – передо мной открывалась страна с богатой историей и культурой, живущая полной жизнью, и мне еще предстояло с ней познакомиться.

Как-то утром я застал Османа сидящим на перевернутом вверх дном ведре – он неотрывно глядел на живую изгородь из гибискуса. Лето только начиналось, но солнце уже припекало вовсю – лень было не только работать, но и думать.

Я протянул Осману холодный апельсиновый сок в запотевшем стакане.

Осман сверкнул белозубой улыбкой и поблагодарил меня, вознеся хвалу Всевышнему. Помолчав, он сказал:

– Месье Тахир, вот вы уже три года, как поселились в Дар-Калифа.

– Да, время летит быстро...

Сторож осушил стакан одним махом. Взгляд его мутновато-карих глаз встретился с моим.

– Но вот что вы за все это время узнали?

– В смысле?

– О нашей стране... что узнали?

Я задумался, вспоминая свои разъезды в поисках черепак и кедровой древесины, мозаичной плитки и заклинателей джинов...

– Ну, я много чего повидал, – сказал я. – Был на севере – у Средиземного моря, на юге – в Сахаре, добрался аж до хребтов Атласских гор.

Не отводя взгляда, Осман утер нос рукавом.

– Вы не знаете нас, – резко сказал он. – Не знаете Марокко.

Мне стало обидно. Про себя я подумал: о чем это он вообще?

– Я знаю Марокко ничуть не хуже тех, кто прожил в стране с мое.

Осман большими пальцами с силой потер себе глаза. И вновь посмотрел на меня.

– Все это время вы были слепы, – сказал он.

– Что?

– Слепы.

Я пожал плечами.

– Может, вы и исходили всю страну, да только ничего не увидели.

– Уверен, это не так.

– Уж поверьте мне, месье Тахир. У вас это на лице написано.

Из раннего детства мне особенно хорошо запомнились сказки. У нас в семье очень любили «Тысячу и одну ночь». Завороженный, я мог часами слушать про приключения Аладдина и Али-Бабы, путешествия Синдбада-морехода и про калифа Харуна ар-Рашида. В сказках непременно были сундуки с сокровищами, принцессы и прекрасные принцы на белых конях в золотой сбруе, дервиши, а еще – гули, ифриты, исполинские дэвы и другие джинны.

У отца всегда находилась для нас притча – так он отвлекал нас от шалостей и одновременно учил. Он любил повторять:

восточные притчи подобны энциклопедиям, это кладовые мудрости и знаний, их следует ценить, беречь и изучать. Для отца притчи вовсе не были пустыми рассказами. Он видел в них объяснение тем или иным человеческим поступкам, считал средоточием знаний, что копились человечеством испокон веков и передавались из поколения в поколение.

Десять лет назад отца не стало, и его библиотека перешла ко мне по наследству. На пяти добротных сколоченных ящиках была надпись: «ЦЕННО. НЕ КАНТОВАТЬ!» В ящиках обнаружили басни Эзопа, сказки Ганса Христиана Андерсена и братьев Гримм, сказки арабские и не только: албанские и китайские, камбоджийские и индийские, аргентинские и вьетнамские, африканские, австралийские, малайские, японские, даже сказки из Папуа – Новой Гвинеи.

Когда ремонт в Дар-Калифа завершился, у меня, наконец, появилось время разобрать и почитать книги из отцовской библиотеки. На полях часто встречались карандашные пометки – я узнавал аккуратный, убористый почерк отца. Где-то он толковал смысл той или иной притчи, а где-то делал отсылки к схожим притчам, бытовавшим в совершенно иных культурах.

Среди многочисленных томов не доставало только полного собрания сказок «Тысяча и одна ночь» – у отца было редкое издание в переводе ученого и путешественника викторианской эпохи Ричарда Фрэнсиса Бёртона⁶. Я помнил эти тома с самого раннего детства – они всегда стояли у отца в кабинете на нижней полке книжного шкафа. Отец очень ценил издание, и не в последнюю очередь за великолепное оформление. Он рассказывал, как в молодости увидел семнадцатитомник в книжном магазине, как несколько месяцев откладывал деньги на его покупку и каждый день ходил любоваться книгами. Лишь позднее я узнал: то было знаменитое первое бенаресское издание.

Тома были в черном вошеном переплете, на корешках – яркое золотое тиснение. Конечно, я был тогда еще ребенком и мало что видел, но они показались мне самым прекрасным, что есть на свете. Эти чудесные книги приводили меня в восторг, я часто приходил в отцовский кабинет и проводил пальцами по их корешкам, вдыхая пряный аромат. От них почему-то пахло гвоздикой.

Но однажды дождливым зимним днем к родителям пожаловал гость. Он был толстый и неуклюжий и курил не переставая. Я был слишком мал, и меня ни во что не посвящали, но помню, как перед его приходом родители о чем-то вполголоса совещались. Не знаю, кем был тот человек, но приняли его как важного гостя: чай налили в самую красивую чашку, подали тонко нарезанные ломтики лимона на блюде.

Я наблюдал за всем с лестницы: гость поздоровался с отцом, они прошли через холл в кабинет и закрыли за собой дверь. Когда же дверь снова открылась, гость вышел из кабинета, сгибаясь под тяжестью «Тысячи и одной ночи».

За ужином я полюбозыгрывал: куда делись книги в черном переплете с золотым тиснением?

Отец помрачнел. Сурово глянув на меня, он сказал:

– У нас, Тахир-джан,⁷ гостя принято уважать и оказывать ему всяческие почести. Если гость в твоём доме – он под твоей защитой. И все, что он ни попросит, то его. Если гость чем-нибудь залюбуется, твой святой долг – преподнести это ему в дар. Запомни это крепко-накрепко, Тахир-джан.

---

⁶ Ричард Фрэнсис Бёртон (1821 – 1890) – британский путешественник, писатель, поэт, переводчик, этнограф, лингвист, гипнолизер, фехтовальщик и дипломат. Прославился своими исследованиями Азии и Африки, а также исключительным знанием различных языков и культур.

⁷ Обращение к детям, также форма вежливого обращения к собеседнику.

*

Сторожа в Дар-Калифа заявили: они, мол, слишком заняты – вон сколько листвы напало, – так что им не до сказок. Я пробовал уломать их поодиночке, но они лишь твердили: сегодня притчи совсем не то, чем были когда-то.

– Вот раньше другое дело, раньше находилось время и самому поговорить, и других послушать, – сетовал Хамза. – А сейчас что? Работы уйма. Трудимся не покладая рук, даже вздохнуть некогда.

– Да, нам даже в затылке некогда почесать, – поддержал его Осман. – Традиции исчезают, а все почему? Да потому, что слугам приходится работать почище, чем рабам.

Кусты гибискуса раздвинулись – появился Медведь. Теперь все трое сторожей выстроились в ряд и сурово глядели на меня. Наши отношения стали несколько натянутыми с тех самых пор, как я, их хозяин, осмелился завести новые порядки. Мне были больше не по карману многочисленные маляры, садовники и плотники, поэтому я прибег к решительным мерам: все, кто состоит у меня на службе, отныне должны работать. Мой план с самого начала не пользовался поддержкой. За время своей службы в Дар-Калифа сторожа привыкли бездельничать, отсиживаясь в конюшне и травя байки, которые лишь подогревали их веру в сверхъестественное. Но в доме побывали заклинатели и изгнали всех джиннов – настала новая эпоха. Никто из сторожей и слова не сказал, но я чувствовал: в глубине души они тоскуют о старых добрых временах, когда своими байками могли нагнать на всех страху и делать, что душе угодно.

По пятницам я обычно ходил в ближайшую кофейню, захватив с собой блокнот и газету.

На Западе рассиживать в кафе значит попусту тратить время. Все равно, что смотреть телевизор днем – так поступают только те, кому совсем нечем заняться. Но, прожив несколько месяцев в Марокко, я понял: кофейня здесь – это своеобразные ворота в закрытый для посторонних мир местных мужчин. Ни одна уважающая себя женщина не зайдет в мужскую кофейню, так что посетители подобных заведений могут не опасаться внезапного вторжения своих властных жен.

Мужчина, желающий стать полноправным членом этого закрытого общества, должен соблюсти одно условие. Ожидается, что он будет сидеть за столиком и размышлять или болтать с соседом, а то и просто убивать время.

Друзья вскоре прознали, что по пятницам меня можно застать в одно и то же время за одним и тем же столиком в кофейне «Мабрук» – ветхой забегаловке на набережной Кор-ниш. Мое положение в обществе заметно упрочилось. Теперь буквально все – от клерка, который обслуживал меня в банке, до сторожей и водопроводчика – стали относиться ко мне с нескрываемым уважением.

Кофейня «Мабрук» походила на мужской клуб, знававший лучшие времена. В помещении с серыми стенами висел настолько густой табачный дым, что где-нибудь в другой стране перед входом уже давно повесили бы табличку с предупреждением: опасно для здоровья. Все стулья шатались, а то и вообще были сломаны, пол скрывался под толстым слоем сигаретных окурков. Обслуживал посетителей единственный официант по имени Абдул Латиф – сутулый мужчина средних лет, у которого не было больших пальцев на обеих руках. Увечье заметно мешало ему отсчитывать сдачу. Заказы он не принимал, а перед каждым вновь прибывшим посетителем ставил стаканчик густого черного кофе и пепельницу.

Мне тут сразу же понравилось. Остатки былого великолепия придавали обстановке своеобразное очарование. Однако, чтобы увидеть это, одних глаз было мало. Приходилось полагаться на воображение: присесть за столик, вобрать в себя прокуренный воздух, сделать гло-

ток обжигającego черного кофе и замереть... Проникшись атмосферой, ощущаешь родство со многими поколениями марокканских мужчин, искавших спасения в этих серых стенах.

Посетители по большей части жили неподалеку и приходили сюда, чтобы скрыться от своих назойливых жен. У всех на лицах одна и та же болезненная гримаса: затравленный взгляд мужа, которого жена тюкает с утра до вечера. Их благоверные похожи, будто близнецы: все как одна – доминирующие самки, дородные, не ведающие страха, готовые растерзать слабого. И счастье этих мужей, что они догадались: на нейтральной территории кофейни можно укрыться от преследований.

Каждую пятницу самые разнообразные представители затюканного мужского племени по одному приходили в кофейню и присаживались на колченогий стул возле моего столика. Профессора на пенсии, медицинские работники, библиотекари, полицейские, почтовые служащие... Если вы идете в марокканское кафе, будьте готовы к тому, что уединиться не получится. Если вы сидите за столиком, значит, вы открыты для общения.

За несколько месяцев я составил себе довольно полное представление о мужской части населения Касабланки. Большинство мужчин ходили в поношенных джеллабах и желтых туфлях-бабушах с загнутыми вверх носами. И всех их объединял и связывал в некое единое братство общий страх – страх перед женами.

По пятницам большинство мужчин в Касабланке пребывает в благодушном настроении и не прочь отдохнуть. Сначала они совершают обряд омовения, молятся в мечети, наедаются дома кускусом,⁸ а потом жены выгоняют их из дому, наказывая не возвращаться до самого заката, когда солнечный диск погрузится в воды Атлантического океана. И мужья с несколькими дирхамами в кармане – больше просить они не осмеливаются – идут в кофейню поговорить.

Вот я сижу в компании подкаблучников, и мы беседуем на самые разные темы: от аль-Каиды до обстановки на Ближнем и Среднем Востоке, от слабого аромата арганового масла до древнего кодекса чести, единого для всех арабов. Каждую неделю я узнавал о марокканской культуре что-нибудь новое, и это сближало меня с остальными.

Из завсегдатаев кофейни самым осведомленным слыл вышедший на пенсию хирург Мехди – сухощавый, с заостренными чертами смуглого лица и маленькой, аккуратно подстриженной бородкой. Доктор отличался непомерной уверенностью в себе, и остальные подкаблучники признавали его своим защитником. Бывало, хлопнув в ладоши, он призывал всех присутствующих дать отпор отбившимся от рук женам.

Как-то раз доктор Мехди признался: ему уже восемьдесят два, но старческие, в пигментных пятнах руки служат ему все так же верно, как и полвека назад.

– Пара умелых рук, – сказал он, – может убить человека, а может и спасти ему жизнь.

Однажды я рассказал доктору, как в детстве видел у городской стены Феса сидящих на корточках сказителей.

Уставившись в стаканчик с черным кофе, доктор прищурился и сказал:

– В них душа Марокко.

– Но разве традиция не утеряна? – возразил я. – Ведь Марокко становится все современной.

Доктор хрустнул костяшками пальцев раз, другой.

– Нужно копать, – сказал он. – Хочешь выкопать клад – купи лопату.

– А стоит ли? Сокровища-то вообще существуют?

Доктор поднес стаканчик к губам и сделал глоток.

– Может, вы этого и не замечаете, – сказал он, – но рассказы, сказки, притчи пронизывают все вокруг. Мы пропитаны ими до мозга костей.

---

⁸ Кускус (араб.) – крупа и блюдо из нее; является одним из основных продуктов питания в Марокко.

Удивительно. До той поры я был уверен: традиция рассказывать притчи не выдержала натиска египетских мыльных опер, наводнивших арабский мир.

Видя отразившееся на моем лице явное недоверие, пожилой хирург ткнул в мою сторону указательным пальцем.

– Притчи сделали нас такими, какие мы есть, – сказал он. – Благодаря им мы – марокканцы.

Допив кофе, он продолжил:

– Сказители не дают пламени нашей культуры погаснуть. Благодаря им мы знаем, кто были наши предки, а наши дети растут на примерах чести и благородства. Сказители учат нас отличать добро от зла.

На мгновение мне почудилось – передо мной сидит отец, ведь он говорил нам то же самое.

Доктор Мехди в задумчивости свел пальцы домиком. Прикрыл глаза, вдохнул полной грудью висевший в кофейне сигаретный дым и сказал:

– Притчи о Марокко все равно что зеркало. В них отражается наше общество. Можно прожить в Марокко сто лет, но так и не понять страну. Если вы в самом деле хотите узнать нас, вам придется найти сказителей и послушать их. Видите ли, именно они и охраняют сокровища. Они готовы передать знание, но при условии, что человек к этому готов. Чтобы услышать их, закройте глаза и откройте сердце.

Глава третья

*Арабский скакун несется подобно ветру.
Верблюд не спешит, но в пути день и ночь.
Саади из Шираза⁹*

Спустя пять дней я уже стоял на огромной центральной площади Марракеша. Ее название, Джемма аль-Фна, переводится как «место казни». Сразу за площадью начиналась старая часть города – медина: лабиринт узких крытых улочек, по обеим сторонам которых словно соты в улье лепились лавки. А в лавках чего только не было: и медные лампы, и пестрые, как узоры в калейдоскопе, шелка, и ковры, и специи, и ароматические масла, и сласти, даже сушеные хамелеоны для колдовских ритуалов... На улочках медины царил полумрак, площадь же заливали потоки солнечного света. Лишь отчаянные смельчаки да безумцы оставались под палящими лучами. Они сидели на корточках и шепотом переговаривались, чего-то ожидая.

Я заметил нескольких музыкантов-гнауа, потомков чернокожих рабов с юга Сахары – в темно-синих джеллабах и украшенных раковинами-каури шапочках. Рядом устроился странствующий зубодер с жестяной коробкой, в коробке – выдранные им зубы. И еще – знахари всех мастей, торговавшие снадобьями от всех болезней, страусиными яйцами и тощими бурыми хомячками, связанными бечевкой.

Пересекая площадь, я обходил лужицы расплавленного на жаре битума: как посреди такого пекла мог возникнуть цветущий город? Мне вспомнились слова Османа о том, что я слеп и страны толком не видел.

Вдруг я заметил краем глаза, как к центру площади ведут старого осла с седой мордой и белым, причудливой формы пятном на крупе.

Погонщик накинул капюшон запыленной джеллабы на голову, намотал поводья на руку и изо всех сил тянул осла вперед. В конце концов тот ступил в лужицу битума. Копыта почернели и стали липкими. Животное насторожилось, низко опустило голову. Погонщик ладонью надавил ослу на лоб, не давая ему двигаться дальше. Затем переплел пальцы, будто разминаясь, наклонился и с натугой взвалил осла себе на спину.

Осел бешено взревел – эхо разнесло рев над площадью.

Я живу посреди городских трущоб, так что к ослиным крикам мне не привыкать. Но истошный рев этого осла поднял бы и мертвого. Погонщика с ослом тут же обступили туристы, знахари, торговцы апельсиновым соком, мелкие воришки и жители Атласских гор, пришедшие в город на день. Мною завладело любопытство, я стал протискиваться через толпу. Осел дико озирался со спины погонщика, чья джеллаба вся потемнела от пота.

– Что происходит?

– Сейчас он начнет, – сказал кто-то.

– Что начнет?

– Рассказывать притчу.

Укладывая детей спать, я всегда читал им сказку, а сам при этом поглядывал на них. В их глазах неизменно светился интерес – выходит, волшебство действует. Некоторые из этих сказок я и мои сестры слышали еще от отца – он оставил нам рукопись, которую по моей просьбе назвал «Расскажи мне сказку». В детстве отец часто рассказывал нам сказки по мотивам древних арабских притч. После его смерти многие из этих сказок были изданы отдельными иллюстрированными книгами.

---

⁹ Саади из Шираза (между 1203 и 1210 – 1292) – персидский писатель и мыслитель.

– В нашей семье из поколения в поколение рассказывали сказки, истории, притчи... – шептал нам отец перед сном. – Помните об этом. Это наш дар. Берегите его, а он уберезет вас.

В своих многочисленных книгах отец познакомил западных читателей с сотнями поучительных историй, многие из них я читаю детям на ночь. Истории эти пошли от суфиев – братства мудрецов, известного не только в мусульманском мире, но и за его пределами. По мнению самих суфиев, их знание много старше ислама и доступно любому, кто дорос до него. Желая донести те или иные мысли, суфий облекал их в форму доступного для восприятия слушателей рассказа. Персику, например, тоже нужна вкусная мякоть, чтобы из спрятанной под ней косточки однажды выросло дерево.

Вернувшись из Марракеша домой, я застал прислугу столпившейся у входной двери – они возбужденно переговаривались. Едва завидев в конце улицы мой старенький дребезжащий «джип», все как в рот воды набрали. Медведь прислонился к двери и широко расставил руки, будто прикрывая что-то спиной.

Я вышел из машины и поинтересовался, что тут у них происходит.

Осман уставился в пол, покачивая головой из стороны в сторону.

– Ничего, месье Тахир, – ответил он. – Ровным счетом ничего.

Служанка Зохра всплеснула руками и поправила платок на голове. Она была женщиной волевой и могла нагнать страху на нерешительных мужчин. Мы бы давно уволили ее, но ни у меня, ни у Рашаны не хватало духу.

– Он все врет, – спокойно заявила Зохра. – Трус, вот и врет.

– Он боится, – сказал Хамза. – Да и не только он, нам всем страшно.

– Боитесь? Чего?

Медведь неохотно отошел в сторону: я увидел начертанные мелом на входной двери геометрические фигуры и цифры.

– Опять детские шалости, – сказал я. – Соседские мальчишки балуются, только и всего.

Хамза вытер испарину со лба.

– Никакие это не детские шалости, – сказал он, – это...

– Что же?

Все, как один, сглотнули и замолчали.

– Так чья это писанина?

– Сехуры, – сказал Осман, – колдуньи.

Раз в неделю я навещал могилу Хишама Харасса, похороненного на южном склоне холма на окраине Касабланки. Садился в траву возле надгробного камня, слушал далекие крики чаек и рассказывал Хишаму обо всем, что произошло за неделю.

В Марокко друзей у меня хватало, но всем им было далеко до Хишама, человека исключительной мудрости. Лачуга Хишама стояла посреди трущоб, на задворках небольшой белой мечети. Хишам был страстным коллекционером – он собирал почтовые марки. Время от времени я заглядывал к нему пообщаться и приносил гашеные марки. Мы говорили почти обо всем, как закадычные друзья. Было в этом что-то волшебное.

И вот сердечный приступ, и Хишама не стало. Его жена уехала из города, забрав с собой хромую собаку. На душе у меня стало пусто. Я вспоминал рассказанные другом притчи и представлял, как маленький Хишам сидит на коленях у своей бабушки и слушает. Ничто не занимало его так, как притчи. Он был талантливым рассказчиком, овладев этим искусством в совершенстве. Однажды Хишам сказал: сказитель, приводящий в движение души слушателей, сродни кукловоду – оба добиваются желаемого едва заметными движениями. В жизни он опирался на незыблемые ценности, усвоенные, по его словам, из бабушкиных притч. Хишаму

больше нравилось живое общение, он с неизменным презрением отзывался о телевизионных сериалах.

Однажды воскресным летним днем я отправился на могилу друга, захватив с собой Тимура. Жара стояла невыносимая. Пока мы взбирались по крутому склону, все взмокли. Тимур капризничал и просился на руки – ему было жарко.

Я глянул наверх: далеко ли еще? И заметил у могилы Хишама коленапреклоненного мужчину. Он был в черной джеллабе из дорогой ткани, с капюшоном на голове; соединив ладони перед собой, мужчина молился.

Мне это показалось удивительным – раньше я никого не видел у могилы Хишама. Тот не раз говорил: друзей у него нет, а родителей своих он не помнит – маленьким ребенком его отдали торговцу утилем.

Заканчивая молитву, незнакомец провел ладонями по лицу и обернулся.

– Ас-саламу ‘алейкум, – сдержанно приветствовал он нас. – Мир вам.

И вот мы втроем сидим у могилы и слушаем крики чаек. Тимур просил сводить его к морю – поплавать, но я оставлял его просьбы без внимания.

Незнакомец помолчал немного, а потом спросил: откуда я знал Хишама? Я рассказал, что раз в неделю мы встречались и вели беседы, своеобразной платой за которые были мои почтовые марки.

– Хишам был очень мудрым человеком, – сказал незнакомец.

Я согласно кивнул. И в свою очередь спросил: откуда он знал Хишама? Ведь он не здешний? Что-то не припомню, чтобы мы раньше виделись.

Незнакомец в задумчивости оперся подбородком о руки с переплетенными в замок пальцами.

– Я обязан Хишаму всем, что у меня есть, – сказал он и умолк.

Я было собирался уже спросить, каким образом, когда он продолжил:

– Двадцать лет назад я был наркоманом – все в моей жизни вращалось вокруг кифа, гашиша. Целыми днями я курил, а ночами шатался по улицам, высматривая незапертое. Забирался в дом и тащил, что мог. Грабил и зажиточных людей, и бедняков, а добычу сбывал, покупая на вырученное киф.

– Но вы совсем не похожи на наркомана, – возразил я.

– Так и есть. А все благодаря тому, кто покоится в этой могиле.

– Что же произошло?

– Однажды, – продолжил незнакомец, – я угнал машину и отправился в Эль-Джадиду. Незадолго до этого я подслушал разговор двух воров: один говорил другому, что в Эль-Джадиде есть чем поживиться. Как только стемнело, я вышел на едва освещенную улицу жилого квартала и стал высматривать окна. Долго искать не пришлось. Одно окно показалось удобным, под ним даже стоял стул. Сейчас мне порой кажется, будто хозяин дома ждал меня.

Незнакомец помолчал, и, закатав рукава джеллабы, продолжил:

– Я бесшумно проник в дом. В доме все было тихо. Тогда я включил фонарик и стал шарить. Но ничего достойного не нашел, разве что большой кляссер в кожаном переплете – он лежал раскрытым на столе. В кляссере было полно марок. Обычно я брал золото или серебро, но альбом показался мне ценной вещью, так что я опустил его в сумку.

– И тут же из дальнего угла комнаты кто-то ко мне двинулся. Беззвучно, как тень. Я метнулся к окну, но тень опередила меня: окно с шумом захлопнулось. Я крикнул, угрожая свернуть противнику шею. И произошло то, чего я никак не ожидал: человек вдруг обратился ко мне с приветствием. Назвавшись Хишамом, сыном Хусейна, он сказал, что ждал меня. И пригласил сесть.

– Я сел, в любую минуту готовый вскочить, если он вздумает позвать на помощь. Хозяин дома спросил, как меня зовут. Я ответил: Оттоман. Я признался, что я – наркоман и что мне очень нужны деньги, а еще попросил прощения за то, что залез к нему.

– Вместо того, чтобы накинуться на меня с бранью, Хишам спокойно выслушал, дал мне горячего чаю с мятой и предложил переночевать у него.

Оттоман снова замолчал. Наклонившись вперед, он потрепал Тимура за щеку и в порыве чувств поцеловал детскую ручонку.

– Утром Хишам приготовил мне завтрак, достойный короля, – продолжил Оттоман. – Я ждал, что с минуты на минуту в дом ворвется полиция. Но радушие Хишама тронуло меня – я не мог сбежать. И остался у него на весь день. Он же предложил мне дальнейший план действий.

– И что это был за план?

– Моя новая жизнь.

По словам Оттомана, Хишам отправил его к своему доверенному человеку, который вылечил Оттомана. А потом ссудил деньгами, чтобы тот открыл портняжную мастерскую. Каждую неделю Оттоман и Хишам встречались и вели беседы.

– Хишам побуждал меня не останавливаться на достигнутом, – рассказывал Оттоман. – Он вселил в меня уверенность, внушил, что я ничем не хуже других. «Чтобы преуспеть, – говорил он, – ты должен метить высоко, дать волю воображению – оно подскажет дорогу».

Я спросил у Оттомана, почему прежде не встречал его: ни в городе, возле дома Хишама, ни здесь, у могилы?

– Дела в мастерской шли хорошо, – сказал Оттоман, – а все потому, что каждую неделю Хишам подбадривал меня. Я целиком отдавался работе и вскоре открыл еще пять мастерских: в Касабланке, Марракеше и Фесе. Спустя три года у меня появилась первая фабрика по пошиву одежды. Еще через два года – фабрики в Таиланде, а там и в других странах. Так вышло, что большую часть времени проводил за границей, а в Марокко бывал лишь наездами.

Оттоман поднялся; он выглядел безутешным.

– В какой-то момент я потерял связь с Хишамом, – сказал Оттоман. – Он уехал из Эль-Джаиды. Я искал его повсюду, но так и не нашел.

– Хишам жил в старом городе, неподалеку от нас, – сказал я.

– Теперь-то я знаю, – сказал Оттоман. – Мне больно думать, что он нуждался, что лишился своего дома. Ведь это он помог мне выбиться в люди.

– Как вышло, что он лишился дома в Эль-Джаиде?

Оттоман посмотрел на могилу.

– Я слышал, он отдал все свои сбережения какому-то незнакомцу – тому необходима была операция на сердце.

– Хишам забывал себя ради других, – сказал я.

– Да, – согласился Оттоман, – и никакие земные радости его не волновали.

– Никакие, за исключением почтовых марок.

Переезжать в другую страну все равно что привыкать к новым туфлям. Поначалу они немного жмут, но модель вам нравится, и вы терпите неудобство. Чем больше вы носите туфли, тем вам удобнее. И в один прекрасный день вы перестаете их замечать – как будто туфель и нет на ногах. Чем сильнее они снашиваются, тем милее становятся вам, и вот вы уже не представляете, как будете обходиться без них.

После переезда в Касабланку то же происходило и с нами. Непривычный дом, истории с джиннами, обезглавленная кошка в саду, обряд заклинаний... Все это сказывалось на нас. Я боялся, как бы Рашана не заявила, что с нее хватит. Она воспринимала трудности не так, как я.

Однако пережитые неприятности лишь сблизили нас, стремление к новой жизни объединило. В Доме Калифа было нечто притягательное – мне и в голову не приходило искать другое жилье.

Прошло несколько месяцев, и мы уже не представляли себе жизни вне этого особняка. На меня снизошло умиротворение, я почувствовал себя дома. Однако кое-что меня до сих пор смущает. Взять хотя бы устои марокканского общества.

Казалось бы, с первого взгляда все понятно: есть культура, и есть традиции, и они тесно переплетаются. По происхождению я человек восточный, но долго жил на Западе. Это помогает мне глубже проникнуть в тайны арабского мира. Но и для меня тут загадок хватает. Чего стоит одна история с решетом.

Как-то Зохра, наша служанка, случайно услышала мои жалобы: стоит мне появиться на овощном рынке, продавцы облепляют меня как назойливая мошкара. Зохра, как любая жительница Марокко, уверена: у нее огромный житейский опыт, уж она-то знает, как найти управу на мужчин. У Зохры на все есть ответ.

– Ай, ай, ай!.. – запричитала она. – Ну, конечно, торговцы не оставят вас в покое. Они ведь видят: вы – турист.

– Но откуда в Касабланке туристы?

– Так ведь торговцы об этом не знают.

– И что же мне делать?

Зохра протянула мне что-то круглое размером с суповую тарелку.

– Носите с собой решето.

– Зачем?

– Ни одному туристу не придет в голову таскаться с решетом, – пояснила Зохра.

В пятницу, после знакомства с Оттоманом, я решил заглянуть в «Мабрук»: выпить кофейку и поболтать. Место доктора Мехди еще пустовало, а вот его закадычный друг Хаким уже сидел за нашим общим столиком. Улыбнувшись, он поздоровался со мной. Я занял свое обычное место. Старый водопроводчик Хаким отличался невероятной чуткостью – таких людей я не встречал ни до, ни после. Стоило ему поговорить с вами, как у вас появлялось невероятное ощущение собственной значимости – словно в ваших руках судьба всего мира. Хаким с доктором были лучшими друзьями, однако по-настоящему счастливым старый водопроводчик чувствовал себя лишь тогда, когда доктора рядом не было – он мог вдоволь поразглагольствовать на свою излюбленную тему. Дело в том, что Хакима страстно интересовало все, что связано с черной магией, а доктор его интерес нисколько не одобрял.

Едва только мы познакомились, Хаким тайком шепнул мне, что вообще-то родился девочкой, но ведьма с гор превратила его в мальчика.

– Когда же это случилось? – спросил я.

Хаким вытащил из кармана водопроводный кран и почесал им макушку.

– Давно, – ответил он.

– Ну а все же?

– Да вас тогда и на свете-то не было.

И вот, пока мы были одни, я решил спросить Хакима о писанине на дверях дома.

Хаким заказал еще кофе: Абдул Латиф увечной рукой поставил на столик чашечку.

Прищурившись так, что глаза превратились в щелочки, он сказал:

– Похоже на проделки джинна.

– Не может быть! – возразил я. – Да, в нашем доме водились джинны, но мы приглашали заклинателей, резали козла. Каждая комната буквально пропиталась кровью и молоком. Заклинатели дали слово, что теперь все чисто.

– А когда совершался обряд?

– Полгода назад.

Хаким снова прищурился.

– Придется повторить, – сказал он.

Я вспомнил, во что тогда превратилось наше жилище. Заклинатели прошлись по всему дому – ни дать ни взять «Охотники за привидениями» на марокканский манер, – чиня погром и повергая нас в ужас. Мы долго потом не могли привести дом в порядок; Рашана до сих пор нет-нет, да и припомнит мне.

– Никаких заклинателей, только не это! – запаниковал я.

Хаким уставил палец вверх:

– Но есть и другой способ, – провозгласил он. – Правда, необычный, зато действенный. Слово даю.

– И что нужно делать?

– Поезжайте за город, в район Бускура, раздобудьте там горшок лесного меда и измажьте им все двери в доме: снаружи и внутри.

Прибежавшая из школы Ариана похвастала: она теперь знает про Робина Гуда. Она нарисовала его в Шервудском лесу, вокруг порхали бабочки. Ариана спросила: а он настоящий?

– Что значит «настоящий»?

– Ну, были у Робина Гуда мама и папа?

– Наверняка, – ответил я.

– А как их звали?

– Ариана, ну какая тебе разница? Ты пойми: в сказках все не так, как в жизни, тут неважно, было ли это на самом деле или нет. Важно, какие чувства они вызывают.

– Баба, так значит ты можешь говорить неправду?

– Тут другое, я бы назвал это вольным изложением фактов.

Откинув волосы назад, Ариана уставилась на меня с подозрением:

– Тогда можно я назову их Генри и Исабель?

– Кого?

– Папу и маму Робина Гуда.

– Конечно, можно.

– И как будто они жили здесь, в Касабланке?

– Ну, пусть так.

– Баба?

– Что, дочка?

– А когда я вырасту, можно мне выйти за Робина Гуда замуж?

На следующей неделе я сел за руль своего старенького «джипа» корейской сборки и отправился за город. Я много чего слышал про лес, примыкавший к южной окраине Касабланки. Огромное покрывало зелени простиралось от шоссе на восток. Зохра утверждала: место заколдовано, деревья в лесу когда-то были воинами на службе у злокозненного правителя – его земли находились к югу от Сахары. Опасаясь, что полчища воинов вот-вот завоюют Марокко, добрый джинн превратил их в деревья. Я рассказал Зохре о меде, и она подтвердила: да, мед действительно чудодейственный, особенно против злых духов. Сторожа также одобрили совет Хакима. Ввиду возможного нашествия джиннов они заметно оживились. Думаю, их радовала перспектива безнаказанно бездельничать под предлогом борьбы с силами тьмы.

Въехав в лес, я повел машину вдоль длинной дороги, обсаженной елями. В конце концов я приехал к питомнику служебного собаководства. Деревья тут росли часто – и впрямь похоже на армию. Чем дальше я углублялся в лес, тем правдоподобнее казались рассказы Зохры, в которые сама она искренне верила.

Я надавил на газ и вскоре очутился в тупике – дорога кончилась. На выструганной из бревна скамейке сидел сухонький старичок в тонкой джеллабе светло-зеленого цвета. Казалось, ткань светится, и этот свет отражается на лице старика.

Я вылез из машины, поздоровался и спросил: не знает ли он, где здесь можно купить мед? Старик показал на хижину, едва видневшуюся за хвойными деревьями.

– Только берегитесь пчел! – предупредил он.

Тропинка была усеяна сосновыми шишками – ни дать ни взять, иллюстрация к «Красной Шапочке». По обе стороны группами по шесть стояли огромные белые ульи. Воздух буквально кишел их обитателями.

Я шел очень медленно – когда-то меня научили этому шу-ары, индейское племя с верховий Амазонки. Пчелы жалят только тогда, когда чувствуют опасность. Сами они носятся как молнии, так что если идти медленно, примут вас за дерево на ветру.

Я дошел до лачуги и постучал.

Дверь отворилась: на пороге стоял все тот же старик в светло-зеленой джеллабе. Обнажив зубы в улыбке, он пригласил меня войти. Я тем временем ломал голову над тем, как старик оказался здесь раньше меня.

Войдя, я увидел на столе разномастные пластиковые бутылки из-под минералки и пустые банки. Старик не моргая посмотрел на меня, словно обжигая взглядом.

– Вот только мед горьковат, – предупредил он.

Я выдержал его взгляд.

– Ничего, мне не для еды, – ответил я.

Мои слова прозвучали как пароль – старик понимающе кивнул. Он вполголоса назвал цену, и я взял со стола пять бутылок. Через четверть часа я уже несся на своем тархтящем «джипе» по шоссе в сторону Касабланки.

Солнце зашло. На дороге было темно – фонари вдоль шоссе давно уже не зажигали. Я вглядывался в темноту, следя за дорогой, и вдруг мотор заглох. Как любой владелец корейского «джипа» я знаю: в самый неподходящий момент машинка может показать норы.

Свернув на обочину, я мысленно умолял железного коня сжалиться. Бесполезно. Я перепробовал все, что раньше помогало. Впустую. А ведь нет ничего опаснее, чем оказаться посреди ночи в заглухшей машине на дороге в Касабланку. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным и одиноким. Бросив «джип», я нагрузился бутылками с медом и стал голосовать. С огромным трудом мне удалось поймать попутку.

Ночью я видел сон. Темнота перед глазами сменилась желтым и красным – мы оказались на верблюжьем рынке около Гулимина, на самой границе Сахары. Отец собирался показать нам верблюдов. Он сказал: чтобы узнать пустыню, надо узнать этих животных, а чтобы узнать их, надо узнать тех, кто их растит. По его словам, верблюды, жители Сахары и песок неразрывно связаны друг с другом.

Но верблюды мне не слишком понравились – от них воняло, а песок раздражал – набивался в обувь, скрипел на зубах. Отец рассказал притчу о маленьком мальчике: тот сбежал в пустыню и мечтал превратиться в рыбу. История показалась мне занятной, с еще более занятным концом. Мы все тогда здорово смеялись.

– Ну что, Тахир-джан, понравилось?

– Да, баба.

– А ты уловил смысл?

– Наверно.

– Вот и не забывай. Пройдут годы, и история предстанет перед тобой в ином виде.

– Как это, баба?

– Ты глубже проникнешь в ее смысл. И тогда случится нечто прекрасное.

- Что, баба?
- Вызреет плод.

Утром я решил снять со счета все деньги и купить новенький «Лэнд-Крузер». До сих пор я ездил только на подержанных машинах – новый автомобиль всегда казался мне непозволительно роскошью. Но проторчав полночи на шоссе, я изменил свое мнение.

За завтраком Зохра заметила, что я в костюме, и спросила: куда я собрался?

– Покупать новую машину, – смущенно ответил я.

– Ай, ай, ай!.. – запричитала она. – Если пойдете в костюме, заплатите втридорога. Уж поверьте мне. Я знаю, что говорю.

Я вернулся в комнату и переоделся в побитый молью свитер и драные джинсы. Вышел из дома и направился к дороге. Ожидая такси – небольшую машину красного цвета, – я услышал свое имя. Обернулся и увидел Зохру. Размахивая решето, она со всех ног мчалась ко мне, чуть не теряя домашние тапочки.

– Решето возьмите! – донесся до меня ее хриловатый голос. – И сделайте так, как я учила!

Спрятав решето в сумку, я сел в такси и отправился в самый большой автосалон, продававший «Тойоты». Дома сторожа, до которых донесся слух о том, что я покупаю машину, настояли на «Тойоте». Все трое, как один, заявили: только люди недалекие ездят на «джипах», а вот «Тойота» – для смелых и решительных.

В автосалоне я вынул из сумки решето и начал им угрожающе поигрывать.

Освободившись, продавец подошел ко мне. Я тут же сунул ему под нос решето, заявив, что не имею ничего общего с туристами, а потому рассчитываю на существенную скидку.

– Месье, – ответил мне продавец, поправляя галстук, – туристы у нас и не покупают. Они берут напрокат.

Стараясь держаться как можно непринужденнее, я поинтересовался моделями «Лэнд-Крузеров».

– Месье, я так понимаю, вам укомплектовать по полной?

Взяв рекламный буклет, продавец нацарапал в уголке сумму.

– Нет-нет, – возразил я, – только базовая модель. Без всяких там наворотов.

Озадаченный продавец нахмурился.

– А кожаные кресла, стабилизатор скорости, турбонаддув, подушки безопасности, колесные диски из легкого сплава? Что, ничего из этого не нужно? – от удивления он едва не поперхнулся.

– Нет, никаких там глупостей. Лишь бы машина довезла меня куда надо. И не сломалась в дороге.

– Но, месье...

– Что такое?

– Месье, если вы возьмете базовую модель...

– ...то что?

– ...чем же все будут восхищаться?

Глава четвертая

*Цари – правители людей, ученые – правители царей.
Абу-аль-Асвад¹⁰*

А в Дар-Калифа сторожа всю мазали двери медом. Уговорив меня купить новые кисти, они трудились с редкостным воодушевлением.

Рашаны дома не было – она встречалась с подругой. Когда же она вернулась, дом благоухал как луг летним днем. Заметив, как приятно пахнет, Рашана прошла наверх переодеться. Не прошло и минуты, как раздался пронзительный крик. Хамза с кистью в руке сломя голову ринулся вниз по лестнице. За ним по пятам гналась Рашана.

– Что же это творится, а? – призывала она его к ответу.

– Это от джиннов, – несмело ответил я.

Жена метнула в меня гневный взгляд.

– Господи, ты ведь уже приглашал заклинателей! Они забили ни в чем не повинных животных, а все ради проклятых джиннов! Ты разве забыл: дом буквально утопал в крови!

– Я хочу только одного: чтобы все были довольны, – сказал я. – Приходится считаться с местными обычаями.

Рашана в бешенстве закатила глаза.

– Ты что, веришь в эту чепуху? – возмутилась она.

– Стараюсь не поддаваться, – сказал я. – Но что-то плохо получается.

Может, туристы в Касабланку и не заглядывают, но решетотворило чудеса. После долгих уговоров, когда я снова и снова повторял, что не собираюсь производить впечатление на кого бы то ни было, мне удалось сторговать значительную скидку. Продавец скрежетал зубами и ворчал: никто еще не спрашивал базовую модель. Придется заказывать аж из Японии.

Когда машину доставили, я приехал в автосалон, взял у продавца ключи и забрался в салон. Опробовав новенький серебристый «Лэнд-Крузер», я остался доволен. Но хорошее настроение в два счета улетучилось, стоило мне только въехать на узкие улочки городских трущоб.

Разъезжая на стареньком корейском «джипе», я был словно под покровом плаща-невидимки. Машина мясника, на которой я ездил еще раньше, тоже ничем не выделялась. Но сев за руль блестящего «Лэнд-Крузера», я тут же стал замечен. Свернув на дорогу, ведущую к Дому Калифа, я вынужден был вжаться в покрытое полиэтиленом сиденье: меня провожали сотни глаз. Я готов был сгореть со стыда – получалось, я выставлял напоказ свое благополучие.

Когда я загнал машину в гараж, сторожа выстроились в ряд, словно почетный караул, и принялись благодарить меня.

– Это еще за что? – буркнул я.

Они смутились.

– Ну, как же, теперь мы вами гордимся, – сказал Хамза.

Я настоятельно просил их не мыть машину: пусть станет обшарпанной, как и приличествует нашей округе. Однако сторожа не соглашались. Каждое утро, пока я еще спал, они заботливо чистили каждую колесную гайку, натирали кузов до блеска – машина напоминала сверкающую римскую колесницу. Объяснение такой привязанности прислуги к новой машине нашла Рашана:

– Машина повысила их статус в обществе.

---

¹⁰ Абу-аль-Асвад (ум. ок. 688) – арабский лингвист, автор первого свода правил арабского языка.

Однажды утром я зашел к себе в кабинет и застал там Ариану: стоя на ведре, она изо всех сил тянулась за книгой на верхней полке. Но вместо того, чтобы перевернуть ведро и встать на дно, Ариана подложила что-то плоское, матово-серебристого цвета, сантиметра три толщиной. Мой ноутбук! Подскочив к дочери, я снял ее с ведра и достал книгу, за которой она тянулась.

– Если бы ты перевернула ведро, не пришлось бы становиться на дорожку ноутбук, – сказал я ей.

– Но, баба, он же твердый, с ним ничего не будет, – возразила Ариана. И выбежала с книжкой в сад.

Я взял ноутбук; мне все еще было не по себе от увиденного. Тут мне вспомнились слова отца.

Однажды жарким летним днем мы сидели в одних футболках на лужайке, под раскидистым тисом. Мне было тогда лет двенадцать. Отец сказал, что утром к нему приходил гость, который проделал долгий путь.

– Он приехал из Америки, баба?

– Нет, еще дальше.

– Из Канады?

– Нет. Да и какая разница, Тахир-джан, откуда он. Важно, что ему нужна была моя помощь, а я не смог помочь.

– Почему?

– Потому что он не был готов.

Отец лег на траву.

– Иногда западная цивилизация представляется мне младенцем с энциклопедией в ручонках, – признался он. – В этих ручонках сосредоточена невероятная мощь, опыт тысяч поколений. Но мудрость недоступна младенцу до тех пор, пока он не научится читать.

– А тот посетитель, он когда-нибудь будет готов?

– Надеюсь.

– Ты с ним говорил, баба?

– Недолго. Впрочем, и это оказалось непросто.

– Как же ты поступил?

– Рассказал ему притчу. И велел обдумывать ее снова и снова, до тех пор, пока думать будет не над чем.

– Баба?

– Да, сынок?

– А расскажи мне ту притчу?

Отец поднялся с травы и сел, скрестив ноги. Глянув на небо, он начал:

– Давным-давно жил в Персии один царь. И так любил поесть, что устраивал пиры один за другим. С годами он становился все тучнее и тучнее. В конце концов, до того растолстел, что уже не мог подняться с подушек. Никто не смел об этом заговорить, пока однажды утром царь не пожаловался на ноги: они совсем посинели от плохого кровообращения.

Ко двору приглашали одного врачевателя за другим. Но царь по-прежнему не ограничивал себя в еде. А чем больше он ел, тем толще становился.

Однажды в его страну приехал один очень мудрый врачеватель. Его немедленно повели во дворец и рассказали, какое несчастье постигло царя.

– Ваше величество, – сказал врач, – я берусь сделать так, чтобы вы похудели за сорок дней, а потом вылечу ваши ноги. Если же у меня ничего не выйдет, так и быть, казните меня.

– Скажи, какие снадобья тебе потребуются? – спросил царь.

Доктор выставил вперед ладонь, останавливая царя:

– Никакие, ваше величество. Ничего не нужно.

Царь решил, что врачеватель держит его за дурака. И спросил совета у главного визиря. – Бросьте его в каменный мешок дней на сорок, – посоветовал визирь. – А потом отрубите ему голову.

Двое стражей схватили врачевателя и потащили в темницу. Но прежде царь спросил: не желает ли он что-нибудь сказать?

– Да, ваше величество.

– Так говори! – вскричал царь.

– Я должен признаться вам, ваше величество, что вижу ваше будущее. Вы упадете замертво ровно через сорок дней. И поверьте мне: помощи ждать неоткуда.

Врачевателя бросили в самую темную, самую сырую камеру. Дни шли за днями. Царю уже не лежалось на подушках, он беспокойно метался из угла в угол. Его волнение все нарастало, и под конец придворные перестали узнавать своего господина. Он потерял аппетит, перестал мыться, а постоянные тревоги лишили его сна.

На сороковой день утром царь распорядился привести врачевателя. Того привели и велели дать объяснения.

– Ваше величество, – спокойно заговорил врачеватель, – сорок дней назад вы запросто могли умереть от ожирения. Я видел ваше состояние, но понимал: увещеваниями тут не помочь. Поэтому я заставил вас поволноваться в течение сорока дней. И теперь, когда вы сильно похудели, я готов прописать вам снадобья, которые наладят кровообращение в ногах.

*

Может, измазанные двери и уберегли нас от темных сил, но вот от жалящих мух – нет. Ничего подобного я в жизни не видел. Полчища насекомых облепили двери так густо, что хоть ложкой соскребай. Зохра привлекла к уборке сторожей, заявив: джинны – это по мужской части.

Рашана умчалась из дома ни свет ни заря, поминутно выкрикивая угрозы. К полудню мухи искусаили меня с ног до головы. И я не выдержал – приказал Осману разделаться с мухами и вымыть двери.

Он явно расстроился.

– В таких делах спешить нельзя, – предостерег он.

Не в силах выносить это дольше, я ушел в кофейню «Мабрук», где за столиком на террасе увидел доктора Мехди. Он сидел на солнце и читал газету, просматривая сводку экономических новостей. На докторе была темно-бордовая джеллаба из плотной шерсти. И это при том, что жара стояла невероятная. Он пожал мне руку и с усмешкой откинул капюшон.

Абдул Латиф, официант с увечными руками, подал мне пепельницу и чашку черного кофе.

Доктор Мехди снял очки для чтения и аккуратно сложил газету пополам.

– Хочу вам кое-что рассказать, – вкрадчиво начал он. – Видите ли, я – бербер. Может, вы и не заметили, но мы, берберы, народ очень гордый. До вторжения арабов страна была нашей. И мы до сих пор смеемся над ними, этими лентяями и слабаками. Берберы гораздо сильнее. А знаете, почему?

Я покачал головой:

– Даже не догадываюсь.

– Нас закаляют с детства, – сказал доктор. – Полвека назад в моей деревне существовал обычай: каждого новорожденного на седьмую ночь его жизни оставляли на склоне холма. Считалось: те, кто доживал до рассвета, получали благословение, их ждала долгая жизнь. Ну, а кто умирал, тех забирал к себе Всевышний.

К чему это доктор клонит? – недоумевал я, попивая кофе. Обычно все его истории были со смыслом.

Доктор перестал ухмыляться, он сморгнул.

– Есть и еще один обряд, который мы, берберы, проходим в детстве, – сказал он.

– Обрезание?

– И это тоже. – Доктор запустил руку в редкие седые волосы. – Каждый из нас ищет свою притчу.

Волшебный ковер снился мне семь ночей кряду.

Под конец лета вечера стоят тихие, тишину нарушают лишь лай собак да сумасшедший рев многочисленных ослов. Разбуженный доносившимся с улицы шумом, я вставал и шел через весь дом на террасу. В саду всюду носились крыланы, воздух был напоен приторным ароматом дурмана, «трубы дьявола».

Ковер ожидал меня на газоне, его геометрически узоры четко выделялись в лунном свете. Я подходил и осторожно вставал – босыми ногами на шелк. Ковер слегка подрагивал в ожидании и, наконец, плавно поднимался.

Мы переносились через океан в царство чернильно-черных куполов и минаретов. Ковер будто читал мои мысли: устремляясь вниз, летел по узким улочкам огромного спящего города. Я видел запертые на ночь чайные, затаившихся воров, стражу у дворца правителя... Ковер забирал влево, перелетал через парапет, и вот мы уже зависали над дворцовыми палатами. За покоями правителя высилась четырехстенная башня: выложенные камнем стены покрывал мох. Дверь в башню была заперта на засов, по обе стороны стояли часовые. А в самой башне томила та самая девушка, которую я видел на празднестве. Она с грустью глядела на тлеющие угли.

Зохра сказала, что без сомнений сон вещий, и что ее подруга Сукайна сможет его истолковать. Подруга жила за пекарней в соседнем квартале Хай Хассани и умела разобраться в потемках чужой души. После недели бессонных ночей мне следовало прибегнуть к ее помощи, но в ушах стоял голос доктора Мехди: берберы ищут свою притчу.

В пятницу утром я вышел из дома и увидел, как сторожа суетятся возле входной двери. За ночь вся ее поверхность покрылась знаками и цифрами. На этот раз их было больше. Они были начертаны белым мелом, за исключением одного-единственного слова – оно было розовым. Значки арабской вязи складывались в слово «мут» – «смерть».

Осман, Хамза и Медведь выстроились в ряд. И заявили: снова необходим мед, и как можно быстрее.

– Ну, уж нет, с меня хватит, – сказал я.

– Но джинны вернулись, – настаивал Хамза. – Если сидеть сложа руки, будет только хуже.

Растолкав сторожей, вперед протиснулась Зохра и с суровым видом принялась вторить Хамзе:

– Он прав, уж поверьте мне. Я знаю, что говорю.

Доктор Мехди умел обрывать рассказ на самом интересном месте. Он знал, что я проглочу наживку и в следующую пятницу приду снова. Всю неделю я только и думал, что о его словах. В них чувствовалась поэзия, они притягивали. В тот день я шел по улочкам быстрым шагом – мне не терпелось попасть в кофейню. Кивая завсегда, я сел за свой столик; официант с увечными руками поставил передо мной пепельницу и чашку черного кофе.

Спустя примерно час вошел доктор. Он выглядел задумчивым, будто что-то прикидывал в уме.

– Вы ведь размышляли над моими словами, правда?

– Они у меня из головы не шли, – признался я. – Прямо мозги набекрень.

Доктор ненадолго замолчал, потом продолжил:

– Берберы считают, что каждый рождается со своей притчей в сердце. Она-то его и бережет. – Доктор Мехди скинул капюшон джеллабы и отпил из чашки. – Человек может заниматься чем угодно, главное, чтобы он при этом не переставал во всем искать свою притчу.

– Но как узнать, что вот она, эта самая притча?

Доктор улыбнулся.

– Вы ведь никогда не видели свои легкие, правда? – с этими словами доктор приложил руку к груди. – Но уверен, вы не станете отрицать: они там, внутри.

Вошел Хаким, друг доктора, и тот замолчал. Пока они обменивались приветствиями, я размышлял над тем, что он хотел сказать. На первый взгляд, бред да и только. Но чем больше я думал, тем яснее ощущал: еще чуть-чуть, и все встанет на свои места. И в то же время меня не оставляло чувство: мне несказанно повезло, ведь я услышал великую тайну берберов. Мне как будто преподнесли ее на блюдечке, не пришлось даже усилий прилагать.

– Некоторые сразу находят свою притчу, – продолжил доктор, когда Хаким уселся за столик. – Другие ищут всю жизнь, но так и не находят.

– Но вот как вы определите, что нашли ее? Ну, свою притчу.

– Все дело в восприятии.

Тут вошел еще один завсегдатай пятничных посиделок: поздоровавшись с нами, Хафад присел за столик. Хафада, человека по натуре вспыльчивого, отличал огромный рост. Его страстью были часовые механизмы. Все мы были рады его обществу, только главное – не говорить при нем о берберах: Хафад их презирал и не упускал случая об этом заявить. В его присутствии мы старались берберов вообще не упоминать. Наконец, когда Хафад ушел, я подступился к доктору с просьбой продолжить рассказ.

– Как я уже сказал, надо искать. Когда же находишь, испытываешь что-то вроде просветления. Сразу понимаешь – это твое. Жизнь обретает смысл.

– Но в мире столько притч, разве возможно найти ту, что предназначена именно тебе?

– Удивительно то, – сказал доктор, – что стоит начать поиски, как притча сама тебя находит, ты чувствуешь ее интуитивно.

– А вы уже нашли свою притчу? – спросил я.

Доктор опустил взгляд. Казалось, он покраснел.

– Да, мне тогда было лет десять, – чуть слышно прошептал он.

– Расскажите?

Доктор поковырял пальцем в ухе.

– Однажды трое дервишей решили подкрепиться, – размеренно начал он. – Погода стояла хорошая, и они выбрали местечко в тени на берегу ручья. Только дервиши расстелили скатерть и решили на случай ветра придавить ее по углам камнями, как к ним подошел бродячий пес. Пес обнюхал скатерть. Один дервиш сказал: «Может, сказать псу, что нам нечем поделиться?» «Не стоит, – ответил другой дервиш, – действие обладает большей силой, нежели слово». И они продолжили раскладывать камни по углам. Собака вдруг завyla и убежала. Третий дервиш, изучивший язык зверей, объяснил: «Собака сказала: «Если у этих людей на обед одни камни, рассчитывать не на что».

Вскоре мне снова пришлось побывать в Марракеше. Жара стояла невыносимая. Не было видно ни одного туриста, а торговцев в медине раздражал любой пустяк. Отсутствие покупателей лишь усугубляло их плохое настроение. Я воспользовался этим, купив задешево большое зеркало в раме с гравировкой серебристыми восьмиугольниками по краю. Водрузив покупку на голову и тем самым укрывшись от солнца, я отправился на поиски сказителей.

Площадь Джемма аль-Фна пустовала. Даже у музыкантов-гнауа не было сил петь в такую жару, и они растянулись в тени. Их синие рубахи потемнели от пота. Странствующие зубодеры куда-то подевались, прихватив свои жестянки с зубами, не было и знахарей с хамелеонами и хомячками. Даже продавцы воды в широкополых шляпах попрятались. С обернутым в бумагу зеркалом на голове я прошел к центру площади.

Сказителей не было и в помине.

Я повернул обратно к медине – выпить чего-нибудь освежающего, и тут заметил старого осла. Он стоял возле постоянного двора – такие тут называют «фундук» – когда-то давно в них останавливались на ночлег торговцы. Осел привлек меня белым пятном на крестце – точь-в-точь тот самый осел, которого погонщик взвалил на плечи, собрав вокруг себя толпу. Я зашел и спросил, чей это осел. Мне указали на лестницу:

– Посмотрите наверху.

Сняв зеркало и прислонив его к стене, я стал карабкаться по ступенькам, пока не оказался на балконе – среди черствых корок хлеба и всякого мусора.

Я снова спросил об осле.

– Осел мой, – отозвался мужчина в хлопчатобумажной джеллабе и намотанной на голову на манер тюрбана повязке. Это и был сказитель. Я представился.

– Ну, а меня звать Халил, сын Халилуллы.

– Не возражаете, если я присяду?

– Мархаба, добро пожаловать, – сказитель сделал приглашающий жест.

Он тут же отправил сынишку в лавку за мятой, чтобы добавить ее в чай.

Я сидел на подушке. Слышно было, как моют чайник, споласкивая, потом до меня донесся запах тлеющих углей – разводили огонь.

Я рассказал Халилу, что еще в прошлый приезд в Марракеш слышал одну из его притч.

– В нашем роду вот уже девятое поколение рассказывают притчи – на смену отцу приходит сын. И мы всегда рассказываем на одном и том же месте – на площади Джемма аль-Фна. Я продолжаю семейную традицию. В свое время я обещал отцу, что не оставлю это занятие. Но на жизнь так не заработать. Вот я и преподаю историю в школе. А после рассказываю притчи.

– А как же туристы? Неужели не платят?

– Что вы! – сказал Халил. – Я ведь по-арабски рассказываю, они ничего не понимают. Да и нет у туристов времени, чтобы остановиться и послушать. Им главное фотоаппаратом пощелкать.

– А вы сами откуда?

– С Атласских гор.

– Вы бербер?

Сказитель размотал тюрбан и замотал потуже.

– Бербер.

Я поделился с ним словами доктора Мехди: что все мы рождаемся с притчей в сердце, и что должны найти ее.

– Такова традиция, – сказал Халил. – Но в наше время традиции уходят.

– Я хочу найти свою притчу, – сказал я.

Халил посмотрел на меня изучающе. Уголки его губ поползли вниз, открывая ряд квадратных зубов.

– Будьте осторожны, – предупредил он.

– Почему?

– Найти свою притчу не так просто, как кажется. На пути вас могут подстерегать опасности.

– В самом деле?

– Конечно! Чтобы отыскать притчу, вы должны открыть свое сердце. И горе вам, если доверитесь не тому человеку.

Я спросил: может ли он рассказать мне мою притчу? Я бы сэкономил силы и время. Да и к кому мне обращаться за помощью как не к нему, сказителю.

Халил, сын Халилуллы, мягко улыбнулся.

– Я этого сделать не могу.

– Но почему?

– Потому что вы должны искать сами – сами поиски изменят вас.

*

Зохра по-прежнему не давала мне проходу: сон надо истолковать, и в этом деле поможет ее подруга Сукайна. Она твердила: вдруг меня отравили, вдруг это каким-то образом связано с символами на двери.

– С чего бы кому-то меня отравлять?

– Это все они, существа из огня.

– Джинны?

– Тс-с! И слова такого не произносите!

– Чепуха какая-то, средневековье, – ворчал я.

Прижав правую руку к сердцу, Зохра выпалила свое излюбленное:

– Уж вы поверьте мне, я знаю, что говорю.

Подсадив Тимура себе на спину, она пошла вверх по лестнице – только я ее и видел.

Зохра, мать шести дочерей, мечтала о сыне. И хотя она ни о чем таком не говорила, я чувствовал: отсутствие сына, наследника, она считает карой небесной. Утром, едва только Зохра появлялась у нас, она хватала Тимура на руки и скармливала ему упаковку конфет с банановой начинкой. Весь день она носилась с ним, шептала ему на ухо сказки, баловала вкусеньким и без конца нахваливала. Мальчика это только портило.

Зохра души в Тимуре не чаяла и все увивалась возле него, так что пришлось нам взять вторую горничную – выполнять работу Зохраны. Мы с Рашаной все еще не решались уволить Зохрану, и считали плату ей чем-то вроде налога.

Новая горничная, Фатима, пришла к нам по рекомендации школьной учительницы Арианы, она оказалась девушкой молодой и бесхитростной. Фатима то и дело улыбалась, любая работа в ее руках спорилась. В отличие от Зохраны, жившей по соседству, Фатима поселилась у нас. Вставая до рассвета, она сразу принималась за окна, натирая их до тех пор, пока стекло не начинало скрипеть от чистоты. После окон она бралась за полы, на коленях оттирая грязь. Дальше мыла подоконники и двери.

С самого первого дня раздосадованная Зохра ни на минуту не оставляла Фатиму в покое. То она пряталась за занавесками и пугала ее своим внезапным появлением, то разбрасывала землю на полу в гостиной, и Фатиме снова приходилось заниматься уборкой.

И вот одним сентябрьским утром и без того напряженные отношения между горничными резко обострились. Фатима на несколько дирхамов купила Тимуру и Ариане сахарную вату. Дети с жадностью поглощали лакомство. Но тут появилась Зохра.

Увидев, что Фатима усадила Тимура себе на колени, она сердито зыркнула и умчалась. Минут через двадцать она вернулась с большим пакетом конфет. Вручив пакет Тимуре, она поцеловала мальчика в щеку.

На следующий день я заметил, что Тимур играет с маленькой машинкой. Сын сказал, что машинку ему подарила Фатима. К обеду Тимур забросил машинку – у него появилась большая машина, подарок Зохраны. Ближе к ужину сын позабыл и эту машину – теперь он возился с

дорогой игрушкой – ракетой в красно-белую полоску. В ответ на мой вопрос радостный Тимур с трудом выговорил еще непривычное имя Фатимы.

Утром следующего дня Тимур носился по дому на новеньком трехколесном велосипеде. На ручонке у него красовались серебристые часики, а за спиной развевался кожаный плащ с вышитым на спине его же именем. Я решил положить конец этому бессмысленному расточительству, но Рашана отговорила меня: как только Зохра и Фатима порядком поистратятся, они образумятся.

После встречи со сказителем Халилом и бесед с доктором Мехди я решил приступить к поискам своей притчи. Сказитель и доктор в один голос твердили: притча в моем сердце, только затаилась глубоко, надо лишь прислушаться. Когда я спросил своих марокканских друзей о том, что они обо всем этом думают, все как один заявили: ни о чем подобном они не слышали, а у меня не что иное, как психоз – как у любого иностранца, слишком долго прожившего в Марокко.

В следующую пятницу я подступился к доктору с расспросами.

– Хотите сократить путь?

Я с энтузиазмом кивнул.

– Ну что ж, кое в чем могу помочь. Никогда нее забывайте: вы на Востоке. Даже если Атлантический океан в двух шагах отсюда, считайте, что вместо него берег омывают воды Южно-китайского моря.

Соперничество между Фатимой и Зохрой продолжалось. К следующей неделе они совсем задарили Тимура. Обе спустили на подарки месячную зарплату. Чтобы хоть как-то удержать их, я запретил им и близко подходить к Тимуру, а сам повел сына стричься.

Затюканные женами марокканские мужья большую часть времени отсиживаются в кофейнях для мужчин. А еще – в парикмахерских. Если в западной стране вы зайдете в парикмахерскую и увидите там полно небритых мужчин, вы решите: предстоит долгое ожидание в очереди. Но в Марокко битком набитая парикмахерская значит только одно – у ее владельца много друзей. Появляясь в парикмахерской, мужчины не торопятся уйти: они смотрят телевизор, гоняют чай, курят, листают потрепанные журналы и лишь изредка просят их подстричь.

Только-только поселившись в Касабланке, я стал ходить в небольшую парикмахерскую на холме. Обычно я ношу короткую прическу, и мне нравится, когда стригут электробритвой. Парикмахер, тихий мужчина с сединой цвета пляжной гальки и сильными руками, оказался заядлым футбольным болельщиком. Ведя электробритвой по голове или опасной бритвой по щекам, он краем глаза следил за игрой по телевизору.

В тот день, когда я повел Тимура стричься, в парикмахерской почти никого не было. Я перекинулся с парикмахером парой слов о бритвах и футболе, а потом спросил: знает ли он о притче в сердце каждого человека? Парикмахер только было открыл рот, как в салон стремительно вошел высокий, с изысканными манерами мужчина. Сев в кресло рядом со мной, он попросил побрить его. Поверх зачесанных назад волос у него сидели темные солнцезащитные очки, напоминавшие черную пластмассовую тиару.

Пока парикмахер точил опасную бритву об истертый кожаный ремень, незнакомец заговорил со мной. Он спросил: скучаю ли я по Англии?

– Как вы узнали, что я из Англии?

– Для марокканца вы выглядите слишком бледным, а для француза – слишком спокойным, – сказал он.

Парикмахер прошелся бритвой по щекам незнакомца раз, другой и смочил одеколоном домашнего производства с ароматом вишневого цвета. Незнакомец вложил в руку парикмахера монету и, повернувшись к выходу, сказал мне:

– Буду ждать вас в кофейне напротив.

Я прожил в Касабланке уже три года, но местные обычаи все еще повергали меня в недоумение. И вот я раздумывал: принять ли приглашение совершенно незнакомого человека или нет? Однако любопытство пересилило. Я взял Тимура на руки и перешел на другую сторону улицы – туда, где сидел незнакомец, попивая кофе с молоком. Его звали Абдельмалик. Каждый из нас рассказал немного о себе: жены, дети, увлечения, работа... Выяснилось, что Абдельмалик – страстный любитель арабских скакунов, всю жизнь мечтает о таком коне. В этом мы оказались родственными душами.

Мы болтали о лошадях, о жизни... прошло около часа. Наконец Абдельмалик глянул на часы.

– Ну что ж, будем друзьями, – заключил он, прощаясь.

Вот так этот чисто выбритый, с изысканными манерами марокканец стремительно ворвался в мою жизнь. Он считал своим долгом помогать мне в любых затруднениях и не уставал повторять: я могу попросить его о чем угодно. Он – мой друг, помочь мне – его святой долг. Поначалу такая настойчивость казалась мне странной, ведь можно дружить просто так, не связывая себя обязательствами.

Каждые три-четыре дня мы встречались на террасе кофейни «Лугано» возле старой кольцевой дороги вокруг Касабланки и всегда садились за один и тот же столик. Да и остальные завсегдатаи сидели за своими привычными столиками.

Едва знакомый мне Абдельмалик взял надо мной шефство. Когда мне понадобилась юридическая помощь, он разыскал опытного юриста; когда у меня сломались наручные часы, он отдал их в починку хорошему мастеру; когда мне срочно понадобился вид на жительство, всю возню с бумагами он взял на себя. Абдельмалик никогда не просил за свои услуги денег, настаивая на том, что наша дружба с лихвой окупает любые траты.

Время шло, наступила осень. Я все сильнее беспокоился, подозревая, что расплата грянет, и Абдельмалик на мне еще заработает.

Детские годы Рашана провела в Индии, и каждый вечер перед сном няня рассказывала ей очередную историю из «Махабхараты», «Рамаяны» или «Панчатантры» – индийских эпических поэм. Масштабность их поражает воображение.

Как-то в начале октября ранним вечером Рашана слушала мои громкие излияния о том, что, мол, притчи составляют целое наследие, что я за него в ответе и мой долг – соблюсти преемственность. Она зажгла свечу и уселась на диван рядом со мной.

– Так, значит, у тебя не получается? – спросил она.

– Что не получается?

– Ты не понимаешь, как все это происходит, да?

– Что?

– Традиция передачи знаний через притчи.

Рашана откинулась на спинку дивана.

– Не успеваем мы явиться в этот мир, а притчи уже оказывают на нас влияние, – сказала она, – и не отпускают, пока мы не уйдем в мир иной. Они являются спящему в утробе матери младенцу, сопровождают нас в детском саду, школе, присутствуют в новостных репортажах и фильмах, романах, разговорах и ночных кошмарах... Когда мы не спим, мы рассказываем истории друг другу, а когда умолкаем, истории продолжают звучать у нас в головах, неслышные другим. Мы не можем остановиться, мы рассказываем и рассказываем, потому что притчи, истории, сказки в сущности не что иное, как язык общения.

– Но Рашана, дорогая, жизнь меняется, – сказал я. – Люди забывают то, что впитали с молоком матери.

– С чего ты взял? – резко возразила мне жена. – Да тот же Голливуд, Болливуд – не что иное, как величайшие фабрики по производству историй. Разве что форма поменялась, но никак не содержание.

– Но традиция умирает.

– Все нет, – сказала Рашана, – просто принимает иной вид. Ты только приглядишься. Ведь сущность та же.

И тут я вспомнил слова отца. Кажется, мы тряслись по ухабистым дорогам Андалузии, направляясь в Марокко. И остановились перекусить в какой-то глухомани. Мы с сестрами нашли полянку одуванчиков и дурачились, сдувая пух друг на друга. Пока мы играли, отец рассказывал нам притчу. Но слушали мы вполуха.

Отец закончил, и я спросил у него:

– Баба, а что будет, если в стране исчезнут рассказы, сказки, притчи?..

Посерьезнев, отец провел ладонью по лбу:

– Это невозможно.

– Почему?

– Потому что страна без поучительных историй все равно, что ванна без затычки. Представь себе, что кран с водой невозможно отключить. Вот и получается: ванна никогда не опустеет. Как только вода из ванной вытекает, ей на смену тут же вливается новая порция воды из-под крана. Так и с историями: всегда появляются новые, одни приходят от соседей, другие – издалека.

Я сорвал последний одуванчик, дунув на его пушистую головку.

– Теперь тебе понятно?

– Да, баба.

– Но это еще не все, Тахир-джан, существуют и другие истории. Вот в них-то и заключена самая великая сила.

– Они тоже как вода в ванне?

– Нет. Эти истории существуют испокон веков, они передаются из поколения в поколение. Они живут в народе, они – часть его культуры и спят до поры до времени. Большинство людей даже не подозревают об их существовании. Но они существуют.

– И когда же их рассказывают, а, баба?

– Когда настанет время.

– Но когда?

– Когда люди дорастут до их понимания.

До зимы было еще далеко, но я не хотел, чтобы она застала нас врасплох, как в прошлом году. Наш первый архитектор как-то не подумал о камине в главной гостиной, и это несмотря на постоянные напоминания. А я мечтал, как буду коротать долгие зимние вечера у растопленного камина, в котором потрескивают дрова.

Так что я велел Хамзе найти каменщика.

Хамза отправился на поиски и через час вернулся в сопровождении старика. Старик с длинной, седеющей бородой носил очки в белой оправе и темно-синий лабораторный халат; он ни слова не понимал по-французски.

Хамза взялся за мое ухо и, чуть оттянув, громко прошептал:

– Месье Тахир, это очень приличный человек. И ко всему прочему, набожный.

– А это хорошо?

Хамза кивнул:

– Ну, конечно. В Марокко человеку с длинной бородой всегда можно доверять.

Я спросил у каменщика: сумеет он выложить камин?

Каменщик выдал что-то по-арабски.

– Что он сказал?

Хамза с уверенным видом покачивался на пятках:

– Он сказал: сам Всевышний направил его по верному пути.

– Вот как?

Старый каменщик дотронулся до своего носа.

– Две ноздри, – сказал он.

– Ноздри?

– Всевышний создал нас с двумя ноздрями, никак не с одной. В этом и кроется отгадка.

Мы копируем божественный чертеж.

На следующий день вечером каменщик явился с тремя мешками цемента, кувалдой и бригадой длиннородых братьев-мусульман.

Они на цыпочках вошли в дом и трудились от заката до рассвета, прерываясь только на молитву. С наступлением сумерек они возобновляли работу.

Хамза объяснил их ночные смены тем, что днем они каждый час посвящают изучению Корана.

Спустя четыре ночи камин был готов. Я сложил в топке дрова, перемежая их обрывками газет и хворостом. И поднес к газете зажженную спичку. Не успел я и глазом моргнуть, как в камине уже бушевало пламя.

Старый каменщик облизнул верхнюю губу.

– Аллаху Акбар! – Аллах велик! – провозгласил он.

На следующий вечер, когда я укладывал Ариану спать, она спросила: правда ли, что во сне к ней прилетят феи?

– Когда выпадет зуб, – уточнил я. – Тогда и прилетят.

– Ты это точно знаешь, баба?

Я посмотрел дочке прямо в карие глаза, в которых отражался свет лампы.

– Конечно.

– Ты обещаешь, что когда у меня выпадет зубик, прилетят феи?

– Обещаю, – сказал я.

– Но откуда ты знаешь?

– Ну...

– Так откуда, баба?

– Я в них верю.

– И что, поэтому они настоящие?

– Почему?

– Ну, потому, что ты веришь?

– Да, Ариана, бывает, достаточно просто верить.

Известная марокканская пословица гласит: «Человек без друзей все равно что сад без цветов». Я услышал ее сразу по приезде в Касабланку – от водопроводчика, которого вызвал прочистить канализацию. Тот ужаснулся: как мог я поселиться в чужой стране, если никого здесь не знаю?

Я признался ему, что наконец-то вздохнул свободно.

– И я больше не увижу тех, кого не хочу видеть, – поделился я своей радостью.

Водопроводчик вытер лысую голову ветошью.

– Как же вы проживете без друзей?

Теперь-то, оглядываясь на ту первую неделю жизни в Касабланке, я понимаю, что водопроводчик имел в виду. В западном обществе друзья это всего-навсего компания в баре – лишь бы не сидеть в одиночестве. Иногда мы связываем с ними какие-нибудь надежды, иногда – нет.

Если друг просит нас о помощи, мы не даем обещание сразу, а сначала спрашиваем, в чем она заключается. Но в Марокко дружба до сих пор основывается на соблюдении кодекса чести и верности, как это когда-то было и в Европе. В глазах марокканцев дружба связывает двоих прочными узами, и попросить друга можно о чем угодно.

Со дня нашего знакомства прошел месяц, и Абдельмалик пригласил меня к себе в гости. Квартирка оказалась небольшой, но уютной, в центре комнаты стоял низенький столик. На столике – штук десять больших блюд, на каждом горкой высились пироги, печенье, булочки... Я спросил Абдельмалика: скольких гостей еще он ожидает?

– Только тебя, – ответил тот.

– Но я один столько не съем! – возразил я.

Абдельмалик расплылся в широкой улыбке, став похожим на чеширского кота:

– А ты постарайся.

Через несколько дней Абдельмалик позвонил мне и сообщил: у него для меня сюрприз. Спустя час я уже сидел в парной хаммама – турецкой бани. Марокканцы ходят в баню еженедельно, для них это важный ритуал, основа основ марокканского общества. Абдельмалик научил меня, как намыливаться ароматическим мылом, оттер так, что я почувствовал, будто заново родился. В густых клубах парной Абдельмалик подарил мне дорогой банный набор.

Когда я, смущенный ценным подарком, пробормотал слова благодарности, Абдельмалик доверительно шепнул:

– Для друга ничего не жалко.

Время шло, и я морально готовился к тому, что скрытые мотивы дружбы дадут о себе знать. Я предчувствовал: однажды Абдельмалик попросит меня о чем-нибудь, что окажется мне не по силам.

И вот как-то мы сидели в кофейне; Абдельмалик перегнулся через столик и сказал:

– Могу я попросить тебя об одолжении?

У меня екнуло сердце – от жалости к себе.

– Все, что угодно, – храбрясь, пробормотал я.

Абдельмалик придвинулся ближе и с кроткой улыбкой сказал:

– Позволь мне преподнести тебе арабского скакуна.

Глава пятая

*Тонущему дождь не страшен.
Персидская пословица*

Едва въехав в Дар-Калифа, я понял, что попал в мир, параллельный нашему – в королевстве Марокко как нигде верили в сверхъестественное. И чем бы этот мир ни был – иной реальностью или четвертым измерением, – его влияние отражалось на всех и вся, причем, самым неожиданным образом.

Поначалу вы ни о чем таком не догадываетесь. Но присматриваясь, всюду видите подтверждения тому, что мир этот существует. Чем больше историй вы слышите, тем явственнее ощущаете его влияние. А чем больше ощущаете, тем сильнее в него верите.

Стоит поверить, и невозможное становилось возможным, скрытое – видимым.

Как и многие другие иностранцы в Марокко, мы неизбежно сталкивались с проявлениями веры местных в сверхъестественное, причем, на каждом шагу: во время ли прогулки по окрестностям, в разговоре с наемными работниками, при общении с новыми друзьями. Это коснулась нас в полной мере, когда мы купили дом, якобы населенный сонмом джиннов.

Одна мысль о духах приводила в трепет не только сторожей и прочую прислугу, но и любого местного из числа наших знакомых. Возможно, джинны присутствовали в нашей жизни лишь постольку, поскольку в них верили окружающие, однако они были частью культуры, в лоне которой зародились сказки «Тысячи и одной ночи».

Сказки эти стали воплощением всего диковинного, вобрав в себя богатство исламской культуры. Даже в западном обществе, не испытывающем недостатка во всевозможных сочинениях, одно упоминание «Тысячи и одной ночи» будоражит умы, вызывая бурю эмоций. Воображение рисует картины несметных сокровищ, восточной роскоши, волшебства – фантазии, доступные простым смертным.

Западная Европа познакомилась со сборником всего три столетия назад. Впервые он вышел на французском в переводе Антуана Галлана;¹¹ Галлан работал над ним с 1704 по 1717 годы. Переводчик обошелся со сказками вольно, исключив те места, которые, по его мнению, были слишком откровенны для современного ему читателя. Полная противоположность французскому переводу – перевод английский, выполненный Бёртоном: казалось, переводчик находил особое удовольствие в скрупулезной передаче многочисленных непристойностей.

Согласно исследованию Роберта Ирвина,¹² автора известной исследовательской работы на тему «Тысячи и одной ночи», перевод Галлана основан на рукописях четырнадцатого или пятнадцатого века. Но вполне возможно, существовали и более ранние записи – десятого, даже девятого века. Ирвин предполагает, что Галлан и последующие переводчики дополнили основной текст и другими сказками, которые им удалось обнаружить.

Издание мгновенно завоевало популярность. Сдержанная французская аристократия, зачитываясь сказками в салонах, поражалась сочности повествования, не свойственной европейским произведениям. Как будто пресные западные блюда сдобрили восточными приправами. Разумеется, у европейцев оставались древнегреческие и латинские классики, но в их произведениях не хватало загадки, тонов и полутонов Востока.

---

¹¹ Антуан Галлан (ок. 1646 – 1715) – французский востоковед, антиквар, переводчик.

¹² Роберт Ирвин (р. 1946) – британский историк-медиевист, писатель, специалист по истории средних веков Арабского и Ближнего Востока.

Интерес к сказкам со стороны общественности оказался так велик, что лингвисты, историки и востоковеды взялись за перевод этого сочинения невероятной сложности и объема. В восемнадцатом и девятнадцатом веках появилось не менее десятка самостоятельных переводов на английский; самые известные выполнены Эдвардом Лэйном, Джозефом Мардрусом, Джоном Пэйном и, конечно же, Ричардом Бёртоном. Переводы выходили самые разные – от сокращенных до энциклопедически подробных, и занимали свое место в собраниях членов королевской семьи, в библиотеках учреждений и домашних библиотеках.

Как только сказки «Тысячи и одна ночь» достигли Европы, вокруг них завязалась интрига. Анонимность сочинения дала пищу нескончаемым предположениям. Некоторые утверждали, что чтение этих сказок приободряет, поднимая настроение. Другие уверяли: осилить все тома сродни подвигу, после которого впору упасть замертво. Последнее, конечно же, было преувеличением: переводчики, редакторы, наборщики, да и многочисленные читатели, прочитавшие «Тысячу и одну ночь» целиком, от корки до корки, живые тому свидетели.

Сборник «Тысяча и одна ночь» вполне можно назвать сказками в сказке. Главная героиня рассказывает о ком-то, кто в свою очередь рассказывает о другом персонаже и так далее. В итоге истории наслаиваются одна на другую, сообщая повествованию удивительную глубину, но и в немалой степени запутывая читателя.

Начинается «Тысяча и одна ночь» с того, что некий вымышленный царь Шахрияр уличает свою жену в измене со служгой. И в гневе приказывает казнить ее. Дабы оградить себя от подобного в будущем, каждый день царь берет в жены непорочную девушку, а с рассветом лишает ее жизни. Так продолжается некоторое время – головы невест летят с плеч. Пока женой Шахрияра не становится Шехерезада, дочь визиря. Она с трудом уговаривает отца выдать ее за царя. Но в отличие от своих предшественниц не намерена сложить голову – у нее есть план.

И вот Шехерезаду, уже жену Шахрияра, ведут в царские покои. Прежде, чем возлечь с царем, она начинает сказку, которая к утру остается недосказанной. Желая дослушать ее, царь оставляет Шехерезаду в живых еще на один день. Вечером она продолжает, рассказывая «сказку внутри сказки». И каждый раз к утру сказка остается недосказанной. Царю приходится сохранять Шехерезаде жизнь еще на день – чтобы дослушать.

Так проходит тысяча и одна ночь. За это время Шехерезада рассказала невысказанное для одного человека количество историй, сказок и притч. А также родила царю трех сыновей, усмирила его гнев и осталась царицей.

В восемнадцатом – девятнадцатом веках западная литература и изобразительное искусство находились под сильным влиянием сказок «Тысячи и одной ночи». В моду вошла восточная тематика. Стали популярными картины с полуобнаженными прелестницами в изящных позах на фоне интерьеров гарема, будоражащие фантазию изображения дворцов с куполами, сценок из жизни арабского двора, утопающего в невиданной роскоши. Сказки «Тысячи и одной ночи» глубоко проникли в западную культуру, их влияние отразилось на всем: от одежды до мебели, от обоев до архитектуры...

Следы этого влияния сохраняются до сих пор. Достаточно побывать в курортном городке Брайтон, что в графство Восточный Суссекс, и посмотреть на «Королевский павильон» – результат увлечения британского принца-регента Востоком.

*

Мой отказ от арабского скакуна поверг Абдельмалика в уныние. Он пытался переубедить меня: приняв его подарок, я тем самым окажу честь не только ему, но и всем его предкам по мужской линии.

На следующей неделе за тем же столиком в кофейне «Лугано» между нами вновь зашел разговор о притчах.

Абдельмалик прочертил пальцем в воздухе горизонтальную линию.

– Жизнь марокканца можно сравнить с балансированием на туго натянутом канате, – сказал он. – Все дело в том, что мы верим: Всевышний видит нас. Стоит нам пошатнуться, как Он пришлет ангелов – они не дадут упасть. – Абдельмалик хлопнул ладонью по крышке стола. – Ну, а если ангелы не подспеют, значит, так угодно Всевышнему.

Официант принес свежесваренный кофе. Когда он ушел, Абдельмалик продолжил.

– Притчи – отражение нашей жизни. В притчах грань между счастьем и несчастьем невероятно тонка. Так было всегда. Мы это знаем, и потому мы такие, какие есть. В течение жизни человек способен познать все: богатство и бедность, достаток и нужду... Это как американские горки: то вверх, то вниз... И можно жить богатой, полной жизнью, в то же время оставаясь бедным.

Я спросил Абдельмалика о джиннах.

– Для меня они настоящие – как посетители за соседними столиками, как эта вот чашка кофе, – сказал Абдельмалик. – И пусть их не видно, я знаю: они здесь, рядом.

– Но все же откуда такая уверенность?

– Вот скажи: ты видишь воздух? – спросил Абдельмалик.

– Нет.

– Но при этом не сомневаешься в его существовании, так?

Я спросил Абдельмалика: пытался ли он отыскать свою притчу?

Абдельмалик с усмешкой сдвинул солнцезащитные очки на голову.

– Похоже, ты говорил с бербером.

– Тебе известна эта традиция?

– Конечно.

– А где бы ты искал в первую очередь? – спросил я.

– Возле святилища, – ответил Абдельмалик. – Но начать поиски так вдруг, ни с того, ни с сего, нельзя.

– Почему?

– Прежде необходимо подготовиться.

– Это как?

– Надо научиться смотреть на мир другими глазами.

Абдельмалик пояснил: взгляд должен быть незамутненным, как у ребенка.

– Бегун не выходит на дистанцию без разминки, – сказал Абдельмалик. – Так же и ты: надо подготовить свой ум, прежде чем нагрузить его работой. На Востоке об этом знают давно, а вот на Западе все еще не догадываются.

– И как подготовить?

– Избегай предвзятого отношения к чему бы то ни было, – посоветовал Абдельмалик. – И тогда мир откроется тебе.

На следующий день я сидел в саду и читал, время от времени поглядывая на черепках, вытаптывавших лабиринты в густой растительности. На ярко-синем небе золотым диском пламенело солнце; я наслаждался покоем.

Вдруг краем глаза я заметил тень – она то двигалась, то замирала, – и услышал шаркающие по терракотовой плитке шаги. Подняв голову, я разглядел Хамзу – приближаясь ко мне, он нервно сжимал свою любимую шерстяную шапку.

– Месье Тахир, простите меня, – начал он.

– Простить? За что?

Сторож, кусая нижнюю губу, ответил не сразу.

– Хамза, что стряслось?

– Я ухожу на другую работу, – сказал он.

- Но, Хамза... ты ведь проработал здесь двадцать лет!
  - Да, месье Тахир, это так – двадцать лет.
  - Что стряслось? Давай поговорим – все можно обсудить.
- Опустив глаза, Хамза покачал головой:
- Мне стыдно.

При первом же взгляде на сказки «Тысячи и одной ночи» было ясно: каждый читатель найдет в них что-то свое. И предприимчивый издатель смекнул: если переписать сборник языком попроще и убрать излишне откровенные места, получатся детские сказки. Со временем они так полюбились, что никто уже и не помнил, что изначально собрание предназначалось исключительно для взрослой аудитории и представляло собой литературу развлекательную, которую следовало держать от детей подальше. Однако некоторые переводчики, в том числе Бёртон, в своих переводах строго придерживались оригинала. В эпоху затянувшейся на десятилетия строгой викторианской морали Бёртон делал ставку на присутствовавшие в сказках многочисленные намеки на непристойности и откровенную похоть, надеясь привлечь внимание самых разных слоев светского общества, падкого на подобное чтиво.

Бёртон распространял свой перевод по закрытой подписке, избегая цензуры, просматривавшей издания для открытой продажи. Так называемое Общество борьбы с пороками преследовало нарушавших принципы строгой морали авторов, угрожая им наказанием в виде принудительных работ. Издателей, бравшихся публиковать этих авторов, штрафовали или закрывали, то же самое ожидало и типографщиков. В то время как Бёртон трудился над переводом, молва о порочном характере произведения достигла ушей цензоров. Жена Бёртона, Исабель, писала типографщику о своих опасениях: ей казалось, что их лондонский дом под наблюдением. Владелец типографии, не желая нарушать закон, вынудил Бёртона подписать договор, по которому вся ответственность за издаваемый перевод ложилась на него, переводчика.

Желая обезопасить себя от обвинений в распространении порнографии, Бёртон сопроводил выходящие в свет тома пояснением – книги выпущены исключительно для научного сообщества: «Они напечатаны мной лично для научных изысканий востоковедов и антропологов... ничто не могло вызвать во мне большего отвращения, нежели мысль о том, что сочинение подобного толка может попасть в руки издателю и быть им опубликовано».

Решив последовать совету Абдельмалика, я вспомнил: в детстве отец учил меня не ограничиваться тем, что видят глаза и слышат уши.

И вот я отправился в старую, наиболее оживленную часть Касабланки. Было утро пятницы, навстречу мне то и дело попадались суровые домохозяйки, нагруженные покупками. Встречались и уличные разносчики, навязчиво предлагавшие обычный набор: засушенные цветы, щенков, безделушки китайского производства...

Посреди всеобщей кутерьмы я вдруг увидел сильно обветшавшее здание – мужскую кофейню.

Войдя, я попросил кофе и сел за столик у окна. Зал напоминал раковину улитки – по всей длине его дугой шла стойка. За стойкой официант в темно-бордовых с черным одеждах подогревал на кофеварке 1930-х годов вчерашние круассаны. За каждым столиком сидели облаченные в джеллабы завсегдатаи кофейни и курили крепкий табак, уставившись отсутствующим взглядом в пространство.

Дождавшись, пока официант поставит передо мной чашку черного кофе и положит рядом свернутый из газеты кулек с пятью кусочками сахара, я вытащил из сумки вату. Закрыв глаза, вставил ватные тампоны в уши и ноздри, закрыл рот и скрестил руки на груди. Совсем как в детстве.

Я стремился впитать в себя окружающую обстановку, не прибегая к обычным органам чувств.

Стоит только закрыть глаза, уши, нос, как включается воображение. Оно есть у каждого, только дремлет, убаюканное бесконечными просмотрами одних и тех же фильмов, а еще общественным мнением, предписывающим обуздывать фантазии, освобождать от них ум. Но воображение никуда не девается, оно прячется глубоко – искра, ждущая своего часа, чтобы зажечь факел.

Сидя в кафе, я почувствовал, будто вдоль позвоночника сверху вниз выстреливают фейерверки. Перед глазами замелькали яркие сполохи: огненно-красные и пронзительно-синие. На языке возникло множество вкусовых ощущений, в нос ударил аромат тысячи цветов.

Это было не что иное, как сила воображения.

Три дня сторожа избегали меня. Осман и Медведь забрались на крышу и делали вид, будто смеют ее. Я звал их, упрасывая спуститься и все-таки объяснить, почему Хамза ушел. Наконец, я отловил Османа за конюшнями – он рассыпал вдоль стен гранулы крысиного яда.

– Хамза не вернется, – сказал Осман. – И вам его не переубедить.

– Но почему? Он проработал здесь не один десяток лет!

– Месье Тахир, – сказал Осман, распрямляясь. – Ему стыдно, вот почему.

На следующий день я пошел в кофейню «Мабрук» и за уже привычным столиком увидел доктора Мехди. Под легким серым плащом у него виднелась пижама. Брови доктора блестели от пота, да и сам он выглядел бледным.

Я спросил, здоров ли он.

– Трое суток лихорадило, – ответил доктор. – Сегодня утром уже лучше, но слабость до сих пор не отпускает. Во время лихорадки меня мучили кошмары: воюющие дикари, чудовища, гули, джинны... И не было никакой возможности от них избавиться. Чем упорнее я пытался, тем глубже увязал в кошмаре.

Доктор замолчал, устало вытирая лицо.

– Вообще-то у меня постельный режим, – продолжил он. – Жена, узнав, что я куда-то собрался, устроила скандал. Но я должен был рассказать тебе...

– Что рассказать?

Доктор поочередно хрустнул костяшками пальцев.

– Дело в том, – неторопливо начал он, – что в лихорадочном бреду мне привиделось, будто я в клетке в дворцовом саду. Неподалеку от клетки – великолепный фонтан, рядом – длинный стол, уставленный блюдами с кускусом, финиками и прочими фруктами. Но до яств было не достать. Я сидел в клетке как дикий зверь. По всему полу валялись кости узников, встретивших свою судьбу, которой я надеялся избежать.

– Ты был один?

Доктор посмотрел мне в глаза. Обычно он оставался бесстрастным, до такой степени, что порой это раздражало. Но болезнь подкосила его.

– Да, один. Хотя... была еще крошечная птичка. Худхуд, то есть, удог. Удог мог запросто улететь – расстояние между прутьями позволяло, но почему-то оставался со мной. Вот из-за этой-то птички я и потащился сюда.

Я все еще ничего не понимал.

– Но что общего между мной и птицей из твоего сна?

– Птица поведала мне притчу, – ответил доктор, – и наказала передать тебе.

На минуту-другую воцарилась тишина. Старый доктор промокнул испарину со лба.

– Так что же она поведала? – напомнил я.

И снова доктор уставился на меня тяжелым взглядом. Он заговорил только тогда, когда убедился, что я ни на что другое не отвлекаюсь.

– Это притча об одной индийской птичке, – ответил он.

Нанимая марокканскую прислугу, вы ожидаете, что она будет готовить, убираться и делать прочую работу по дому. Вы в это верите, потому что на собеседовании вам чего только ни обещают: безупречно выстиранную и выглаженную одежду, отмытый до блеска дом, изысканные блюда... В лучшем случае такая роскошная жизнь продлится неделю-другую. Ну, а потом, освоившись, нанятая марокканка продемонстрирует свой истинный нрав.

Изо дня в день я покорно носил скверный характер Зохры. Она отчитала меня за дешевые стаканчики для чая: «Разве можно ставить такое убожество перед гостями? Постыдились бы!» В другой раз обвинила в том, что, проходя мимо комнаты Тимура, я громко топаю. Потом раскритиковала в пух и прах: видите ли, когда позвонили из банка, я попросил сказать, что меня нет дома.

Временами Зохра становилась невыносимой, и я невольно задавался вопросом: как только муж терпит ее? Однажды я спросил Зохру о муже. Она покосилась на меня.

– Лентяй мой муж, вот он кто. И куда только глаза глядели, когда замуж выходила? Ну да что там, молодой была, глупой.

– Он работает?

– Какое там! Слишком ленив, чтобы работать. Утром просыпается и тут же из дома – в кофейню возле набережной Кор-ниш. День-деньской там рассиживает, попивает себе кофе, курит, болтает с дружками. Уж поверьте мне, я знаю, что говорю.

– Это в какой же кофейне он бывает? – переспросил я.

– Я же сказала: возле набережной.

– Кофейня «Мабрук»?

Зохра так и застыла.

– Она самая.

Доктор Мехди мог и не рассказывать притчу об индийской птичке – это была одна из любимых притч отца. Я так часто слышал ее, что стоит мне закрыть глаза, как я вижу: отец сидит в огромном кожаном кресле, готовый начать.

– Давным-давно, когда у верблюдов не было горбов, когда птицы летали вверх тормашками, в большом городе Самарканде жил купец. Семей он так и не обзавелся, а была у него маленькая птичка – удо, которую он любил больше жизни.

– Однажды купец собрался по делам в Индию. Помня, что его удо родом из Индии, он спросил птичку: что ей привезти? Птица попросила отпустить ее на свободу, но купец отказался. «Я слишком сильно люблю тебя, чтобы отпустить», – возразил он удо. «Тогда пойдешь в лес и крикни так, чтобы слышали все птицы: я, мол, жив-здоров, только сижу в клетке», – попросил удо.

– Приехав в Индию, купец так и сделал. И только он возвестил о судьбе удо, как дикий удо, сидевший высоко на ветке, упал к его ногам замертво.

– Купец расстроился, ведь он невольно стал причиной гибели одного из родственников своего любимца. Вернувшись домой, он рассказал обо всем удо. Услышав такую печальную весть, удо упал с жердочки на пол клетки и испустил дух.

– Видя, что удо мертв, купец открыл дверцу клетки и вынул обмякшее тельце, положив его возле окна. Но едва он так сделал, удо встрепенулся и вылетел в окно – только его и видели.

Разыскав в трущобах лачугу Хамзы, я упрашивал его вернуться, но он не соглашался. Я совершенно не представлял, что вынудило его уйти. В стране с работой и без того туго, а если на шее еще жена, шестеро детей и многочисленные родственники, увольнение равносильно самоубийству.

Когда я вошел в лачугу из двух комнат, жена Хамзы тут же смахнула с низенького столика вязание и спешно принялась заваривать чай, угощая меня как дорогого гостя.

– Может, я тебя чем обидел? – спросил я у Хамзы.

Сторож опустил глаза, разглядывая свои руки.

– Нет, что вы, месье Тахир, ничего подобного.

– Тогда в чем дело?

Хамза снова уставился в пол. Мне показалось, он вот-вот заплачет.

– Я не оправдал вашего доверия, – признался он.

На следующей неделе позвонил Оттоман – бывший вор, а ныне деловой человек. У него был ко мне срочный разговор. Я спросил, знает ли он, где находится кофейня «Мабрук».

– Да я в ней полжизни провел, – ответил Оттоман.

Часом позже я уже сидел за своим столиком, передо мной дымился в чашке черный кофе. Оттоман обещал не опаздывать, однако пунктуальность марокканцам не свойственна.

По соседству сидел небритый мужчина средних лет: короткая шея, толстые пальцы, от левого глаза до подбородка шрам. В пепельнице рядом с его чашкой высилась гора окурков – видимо, он здесь с раннего утра. Я и раньше встречал его в кофейне – он всегда садился на одно и то же место. Перегнувшись через столик, я спросил: имя Зохра ему что-нибудь говорит?

Мужчина вздрогнул. Он прижался к спинке стула – как будто его пригвоздили, лицо исказила гримаса боли.

– В моем доме работает одна женщина по имени Зохра, – пояснил я.

– Месье, – тихо забормотал он, – мне за нее так неловко. Правда, уж поверьте мне.

Тут в кофейню стремительно вошел Оттоман. На нем был деловой костюм из твида, поверх – габардиновый плащ. Аккуратно сложенным зонтом он помахивал как тростью.

Абдул Латиф принес ему пепельницу и чашку кофе. Мы поздоровались, обменявшись любезностями.

– Альхамдулилла! – Хвала Аллаху! Я в полном здравии, – ответил он на мой вопрос.

Я отпил кофе, ожидая, когда Оттоман заговорит о деле.

Какое-то время он всматривался вдаль – на Атлантический океан, устремлявший волны к берегу. Потом снял очки и потер переносицу.

– С тех пор, как мы встретились у могилы Хишама, – начал он, – я все думал о нашем друге, о том, что для него было важным.

– Марки, – сказал я.

– Да, конечно, – улыбнулся Оттоман. – Но не только.

– Еще – поучительные истории.

– Именно! Излюбленное занятие Хишама. Он был великолепным сказителем.

– Да, он умел рассказывать.

Сидя в любимом кресле, Хишам мог говорить с утра до вечера. И мысль о том, что после беседы с ним человеку становится лучше, давала ему утешение.

– Я хочу, чтобы о наследии Хишама помнили, – сказал Оттоман. – Хочу, чтобы другие на примере историй учились различать добро и зло – как Хишам, слушавший в детстве притчи своей бабушки.

– Но в наше время все только и смотрят, что сериалы, – сказал я. – Сериал заменяет людям притчу.

Оттоман придвинулся ближе, опираясь рукой о мое колено.

– Мы можем изменить положение вещей, повернуть время вспять, – с жаром зашептал он. – Мы можем побороть систему, и сказители снова заговорят.

Вернувшись домой, я застал Османа взволнованным – он беспокойно расхаживал туда-сюда. Рядом с ним стоял высокий, худощавый мужчина в джеллабе необычайно яркого зеленого цвета. Он был в очках-авиаторах и производил впечатление актера из индийского фильма.

– Это Лайахи, мой брат, – нервничая, представил мужчину Осман. – Ему тридцать один, и он ищет работу.

– Вот как! – ответил я.

– Хамза ушел, значит, место свободно, – сказал Осман.

– Но я не теряю надежды вернуть его.

– Нет, месье Тахир, – быстро заговорил Осман. – Он не вернется – ему стыдно.

Я до сих пор так и не узнал, в чем дело, поэтому надеялся на возвращение Хамзы.

– Вы могли бы нанять Лайахи временно, – уговаривал Осман.

Против такого предложения я не возражал. Заручившись моим согласием, Осман повел Лайахи в сад.

В битве за расположение маленького Тимура Зохра одержала победу. И отныне мой сынишка передвигался по дому на закорках у Зохры. Едва только он видел Фатиму, принимался шипеть как змея в высокой траве. Когда я сделал ему замечание, он сказал: Зохра его научила. Тимур вытащил упаковку конфет и развернул все, до единой. Набив конфетами рот, он одним махом, давясь, проглотил их.

В тот же день во дворике при кухне я разыскал Зохру. Именно там заклинатели, проводившие обряд изгнания джиннов, зарезали жертвенного козла. По их словам, это место было центром, душой дома. Я собирался отчитать Зохру за то, что та снова дала Тимуру конфеты, но не успел – она показала на пол.

Я увидел намалеванные мелом каракули.

– Чья это работа, Арианы? – спросил я.

Зохра нахмурилась, прищутив глаза.

– Это дело рук не ребенка, – сказала она, – это...

– Джинны?

Зохра побледнела от ужаса. Крутанувшись вокруг себя, она поцеловала свою руку, коснулась ею ближайшей стены и забормотала молитву.

– Никогда не произносите это слово вслух, – вполголоса упрекнула она меня.

Однажды в конце октября, вечером, я предавался мечтаниям: я будто бы сижу в тени посреди великолепного дворика, в котором прогуливаются павлины. Из фонтана, выложенного изысканной мозаикой, устремляется поток воды, вечерний воздух напоен ароматом цветущих азалий. В дальнем конце рияда¹³ стоит беседка, на террасе перед ней – струнный квартет: вот-вот польется музыка. Прикрывая глаза от солнца, я огляделся и понял: я у себя, в Доме Калифа, а того, что намечтал, нет и в помине.

Весь следующий день фантазия преследовала меня. Я представлял снова и снова, пока сам себя не убедил: когда-то волшебный двор с павлинами в самом деле существует – в дальней части территории, за теннисным кортом. Любителей тенниса среди нас не было, поэтому я поручил одному из сторожей привести того самого каменщика, который выкладывал в доме камин.

Вечером в десять часов каменщик прибыл, во все том же темно-синем халате. Подавшись вперед в полупоклоне, он схватил мою правую руку и пробормотал аяат из Корана.

– Всевышний снова свел наши пути, – сказал он.

---

¹³ Рияд – особняк в медине, старой части города.

Я поведал ему о своих мечтах: о павлинах и беседке с музыкантами. Каменщик снял очки и запустил руку в седую бороду, расчесывая ее: его познаний во французском не хватало, чтобы проникнуться величием моего замысла.

Пришлось крикнуть в темноту, призывая на помощь сторожей.

На зов откликнулся Лайачи, брат Османа, все в той же ярко-зеленой джеллабе. Я попросил его перевести мои слова на арабский. Но, едва завидев каменщика, Лайачи побагровел от ярости.

Я старался говорить как можно проще: мне нужен просторный дворик с нишами вроде гротов по обе стороны, а по центру – сад.

Лайачи начал переводить, но на полуслове запнулся. С ним творилось что-то неладное: он вдруг затрясся, его лица перекосило.

Я спросил, что случилось. Но он не ответил.

Не успел я и глазом моргнуть, как Лайачи с криками двинулся на каменщика. Тот вжался в кресло, как будто на него вот-вот прыгнет хищный зверь.

Я пытался урезонить Лайачи: каменщик нам друг, он гость в нашем доме. Но Лайачи размахивал руками как саблями, изрыгая проклятия.

Время словно замедлилось.

Лайачи засунул пальцы себе в рот и стал за что-то дергать. Не понимая, что происходит, я подошел ближе. И увидел, что Лайачи осторожно вытащил вставную челюсть: сначала верхний ряд зубов, затем нижний. К моему ужасу, он бросился на каменщика, кусая и щипая его челюстью до крови.

Глава шестая

Одной рукой не хлопнешь, одной ногой не победитишь.
Арабская пословица

После происшествия со вставной челюстью мы с Рашаной и детьми неделю спали все вместе, в одной кровати.

На ночь я подпирал дверь изнутри стулом, а под подушку прятал индийский кинжал. Ясно было, что Лайахи ненормальный, но уволить его сразу я не решился – не знал, с какой стороны к этому делу подступить. Да и опасался: вдруг он вынет вставные челюсти и снова набросится – уже на нас.

Через неделю я, наконец, набрался смелости и разыскал Османа – он сгребал палую листву.

– Мне придется отпустить твоего брата, – дипломатично выразился я. – Он без всякой причины напал на каменщика. И пока Лайахи поблизости, мне неспокойно. Да и не только мне.

Опершись на грабли, Осман потер подбородок.

– Лайахи с детства такой, – сказал он. – Все знают, что он помешанный. По правде говоря, его следует держать взаперти.

– Почему же ты сразу не сказал? А еще убеждал меня: мол, он человек надежный.

Осман закусил верхнюю губу.

– В нашей стране, – нахмурился он, – узы крови много значат. И всегда подразумевают обязательства.

Дни становились короче, с севера повеяло зимой. В Марокко есть верная примета близких холодов – на улицах не протолкнуться от тележек, доверху груженных апельсинами. Первые апельсины кисловаты, но с каждой неделей становятся все слаще.

А мне по-прежнему не было покоя. И это в собственном доме! Зохра донимала меня, убеждая прибегнуть к помощи ее знакомой колдуньи. Я же ну никак не хотел идти на поводу у прислуги – еще чего доброго возомнит, будто имеет надо мной власть. И в то же время испытывал необходимость с кем-то поговорить об этих загадочных надписях на двери. Да и о волшебном ковре, часто являвшемся во сне.

Тут снова позвонил Оттоман.

Я знал о его прошлом, был немного осведомлен о деловых успехах, но его личная жизнь оставалась для меня тайной. Я не знал даже, женат ли он. Личность Оттомана как-то не располагала к подобным вопросам.

Мы встретились в кофейне возле его дома в фешенебельном пригороде Касабланки. В кофейне, как обычно, сидели небритые мужчины в длинных, просторных джеллабах, однако она отличалась от традиционного заведения. Во-первых, здесь подавали настоящий кофе, а не то пойло, которое я обычно хлебал, уже привыкнув к его отвратительному вкусу. Во-вторых, было много женщин. Которые не имели ничего общего с извечными свирепыми старухами – в кофейне сидели блондинки в смелых нарядах, с ярко накрашенными губами. Еще непривычнее было то, что они курили.

Оттоман в общих чертах поделился своей задумкой.

– Начнем с малого. Найдем сказителя и поселим его в бидонвиле,¹⁴ там, где жил Хишам. Я буду платить ему жалованье, а он – день и ночь рассказывать притчи, возрождая традицию, которая вот-вот умрет.

Я с энтузиазмом кивал, издавая одобрительные возгласы.

---

¹⁴ Бидонвиль (франц.) – французское слово для обозначения городских трущоб.

– Постепенно мы расширим поле деятельности, – продолжал Оттоман, – и в скором времени притчи зазвучат уже в десятках кофеен по всему Марокко. Совсем как в старые добрые времена.

Глаза Оттомана горели, он будто всматривался в даль, разглядывая возникший мираж.

– Но и на этом мы не остановимся, – сказал он. – Притчи зазвучат на железнодорожных станциях, автобусных остановках, рынках, даже в офисных конторах!

Обычно говоривший тихо, Оттоман разошелся – он уже громко вещал.

– Но кто будет платить всем этим сказителям? – спросил я.

– Спонсоры, – ответил Оттоман. – Фирмы. Сказители могут получать деньги, снимаясь в их рекламе по телевизору.

– Выходит, они превратятся в коммивояжеров?

Оттоман нахмурился.

– Нет-нет, ни в коем случае, – запротестовал он. – Не коммивояжеры, а представители крупных торговых марок. «Кока-Кола», «Пепси», «Макдоналдс»... Представляешь?!

Моя беда в том, что по жизни я – жертва. Я вечно позволяю втянуть себя в сомнительные предприятия, из которых потом так просто не выпутаться. Мне бы крепко пожать Оттоману руку, поблагодарить за кофе да уйти. Но я сидел и восхищался гениальной идеей. Что Оттоману только льстило. Да еще предложил свою помощь.

*

Через неделю я уже шел по центральной площади Марракеша – Джемма аль-Фна. И кое-кого увидел. Мужчина был лысым, с длинной, жиденькой бородачкой, с серебряной серьгой в одном ухе, блестящей на солнце. По его взгляду я сразу понял – он не из местных. А взгляд у него был такой, будто он узрел чудо.

Я шел в южном направлении, продолжая поиски своей притчи, а заодно – первого сказителя, необходимого для воплощения грандиозного замысла Оттомана. Марракеш виделся мне подходящим для этого местом.

Иностранец заговорил со мной. Он оказался немцем, звали его Каспар. Он рассказал, что путешествует вот уже шестнадцать лет, где только ни побывал. Небесно-голубые глаза немца горели, он размахивал руками, рассказывая: каждое мгновение странствий приближало его к главной цели – увидеть Джемма аль-Фна, Место казни.

– Вот он, мир, здесь, – с сильным баварским акцентом произнес Каспар.

Я спросил, что он имеет в виду.

Немец улыбнулся.

– Разве вы не чувствуете?

Я промолчал.

– Нет, правда не чувствуете? – переспросил он.

– Чувствую? Что?

– Вот она, жизнь, во всем ее многообразии! – сказал он.

Каспар поднялся и нетвердой походкой удалился, бормоча что-то о стакане холодной воды. Я стоял, в задумчивости глядя на людское коловращение: заклинатели змей и гадатели, знахари и сумасшедшие, странствующие зубодеры, колдуньи, продавцы воды и один-единственный слепой с протянутой в ожидании монеты рукой. Возможно, баварец прав: во всем мире не найдется другого такого места, где жизнь кипела бы во всех ее проявлениях.

Как и все, кто хоть раз побывал в Марракеше, я пытался понять этот город. Сидя в любимейшей кофейне «Арга-на» с видом на площадь, я наблюдал, слушал, но не понимал. Африка это или Марокко? Или уже рай, где только и возможно насладиться такими цветами, звуками, ароматами?

На самом деле Марракеш – и то, и другое. И еще много что.

Я обходил площадь в поисках Халила, сына Халилуллы, того самого сказителя, с которым недавно познакомился. Но его нигде не было: ни его, ни других сказителей.

На мои расспросы сидевшие в ряд продавцы апельсинового сока ответили: большинство сказителей зарабатывают на жизнь чем-то еще – за притчи много не дают.

– В самом деле, к чему платить, – высказался один из продавцов, – когда можно бесплатно посмотреть телевизор, что дома, что в кофейне.

Глаза слепило неистово палящее солнце, привычное разве что коренным жителям Марракеша; я углубился в лабиринт узких улочек медины, что разбегались от яркой, оживленной площади. Прохладные каменные арки, внутренние дворики, отгороженные бамбуковыми решетками, – в их полосатой тени торговцы за прилавками ходили на зебр... Медина в Марракеше это огромный рынок, на котором чего только нет: россыпи куркумы и красного молотого перца, горы подсолненного миндаля и фиников, ряды желтых кожаных туфель, страусиные яйца и ароматические палочки, хамелеоны в железных клетках с гнутыми прутьями и говяжье филе, любовно выложенное на веточки душистой мяты...

Пройдясь по узким улочкам, вы совершите путешествие назад во времени.

Пусть сегодня Марракеш, центр туризма, и процветает, его старый город, медина, остается нетронутым: жизнь в нем кипит, переливаясь через край, все такая же яркая и самобытная. И хотя теперь там продают пластмассовые куклы, сделанные в Китае, подержанные телевизоры, нагроможденные один на другой, мобильные телефоны, Марракеш продолжает жить ритмами прошлого. Форма меняется, в моду входит то одно, то другое, а суть, душа, остается неизменной.

Ища сказителя, я высматривал среди многочисленных лавок и лавочек кое-что особенное. Абдельмалик настоятельно рекомендовал мне зайти в необычный магазин под названием «Мезон-де-Мекнес»: как только я переступлю его порог, увижу мир другими глазами. Он несколько раз подробно объяснил, как отыскать магазин: дойти до улицы Баб Лаксур, от нее – по третьей улице налево, далее – по пятой направо, еще один поворот налево – у зеленой мечети, и снова поворот направо – у лавки мясника, торгующего кониной. Дойдя до хаммама, надо встать к бане спиной, пройти два метра направо и нырнуть в проулок, где валяются горы черствого хлеба.

Три часа я плутал по улочкам, забитым людьми и всевозможным товаром. И в какой-то момент оказался на верном пути: приметы совпали как подсказки на карте сокровищ. Я нашел и мечеть, и мясника, и ту самую баню, даже черствый хлеб. В дальнем конце переулочка виднелся низкий арочный вход с аляповатой вывеской ручной работы. Вывеска гласила: «Мезон-де-Мекнес».

Вниз вели ступени, стертые многими поколениями торопливых покупателей. С низкого потолка свисала паутина, а на полках вдоль стен красовались сокровища: старинные берберские сундуки, серебряные чайники, скамеечки для ног, вырезанные из эбенового дерева, мечи воинственных племен, блоки французских почтовых открыток, древние фотоаппараты фирмы «Кодак», свечи, шелковые пояски на свадебные платья, богато украшенная верблюжья упряжь из темно-синей шерсти...

Хозяин магазина имел вид человека, довольного собой, с глазами табачного цвета, в заляпанной кофейными пятнами рубашке. Звали его Омар бен Мохаммед. Он сидел в кресле сразу на входе, за спиной у него светила настольная лампа. Я не сразу его заметил – глаза еще не привыкли к полумраку.

Поначалу Омар произвел на меня впечатление алчного дельца. Но вскоре выяснилось: помимо излюбленного занятия – сбывать туристам краденое, у него имелась куда более сильная страсть – он обожал рассказывать притчи.

Едва я переступил порог, как Омар заявил: ни одна вещь у него не продается. И как бы мне ни хотелось приобрести вон тот старинный сундук, вот этот щит одного из племен Сахары или, скажем, то янтарное ожерелье, мне их не продадут.

– Так это музей? – спросил я.

Омар бен Мохаммед поскреб щеку с отросшей седой щетиной.

– Мой магазин не такой, как остальные, – усмехнулся он. – В других магазинах – одни мошенники, они готовы вытрясти из вас последнее, мать родную продать.

– Значит, ваш товар лучше?

Омар высморкался в большой носовой платок, потер глаза большими пальцами.

– Да нет, – сказа он. – Все, что здесь разложено, самого низкого пошиба. Возможно, вам так не кажется, но это потому, что вы не разбираетесь. Да и освещение тут плохое, причем, неслучайно. Пустая консервная банка в таком тусклом свете покажется сокровищем. Возьмете это сокровище и только дома разглядите – барахло барахлом.

– Зачем вы мне все это говорите?

Омар развел руками.

– В этом моя проблема, еще с детства. Ну, да я уже смирился.

Опасаясь, что сейчас меня попросят об одолжении, я холодно заметил.

– У всех бывают проблемы.

– Да-да, вы правы, у всех, – согласился Омар. – Моя проблема в том, что я говорю только правду.

– Что же в этом плохого? Наоборот, это похвально.

Лицо хозяина магазина приняло страдальческое выражение.

– Вы не представляете, какое это мучение. Чтобы торговать здесь, в Марракеше, первым делом нужно научиться врать. Это умение передается от отца к сыну. Мало кто знает, но без умения врать в нашем деле не преуспеешь. Соврете удачно – разбогатеете. Довольная жена будет ласковой, как котенок, дети станут гордиться таким отцом.

– А вы сделайте вид, что тоже врете.

– То-то и оно, – сказал Омар. – Меня называют дураком, говорят, я должен облапошивать туристов – все так делают. Ведь турист не вернется. Говорят: для чего и существуют эти туристы, как не для нашей пользы?

– И?..

– И поэтому в моем магазине ничего не продается.

– Вот как!

Помолчав, Омар с улыбкой склонил голову набок.

– Да-да, ничего не продается... Все отдаю за так, совершенно бесплатно.

Я принялся рассматривать товар на полках. Один из сундучков мне особенно приглянулся. И я подумал, что не прочь заполучить его даром.

– В таком случае можно мне это?

– Конечно, – сказал Омар.

– Бесплатно? Вы отдадите его просто так?

– Я уже сказал: отдам.

– Как хорошо, что я заглянул к вам.

– Мне тоже очень приятно, – сказал хозяин магазина.

Я встал и подошел к полке с сундуком. Омар помог мне снять его и открыть крышку: изнутри сундук был обит выцветшей тканью вроде фетра.

– Но я должен вас предупредить, – тихо прибавил Омар.

– О чем?

– К каждому выставленному здесь изделию кое-что прилагается.

Я снова ничего не понял.

– Что же?

– Притча.

Я глянул на хозяина магазина, прищулив глаза.

– Вот как?

– Если вам что-то понравилось, – продолжал Омар, – придется заплатить за притчу.

И моргнул.

Я тоже моргнул.

Хозяин снова почесал заросшую щеку, а я тем временем раздумывал над предложением. В Марракеше торговцы отчаянно боролись за каждого туриста, ведь те платили наличными, так что Омар бен Мохаммед ловко придумал.

Хозяин было плотоядно усмехнулся, но тут же снова принял постный вид.

– И какая же притча прилагается к этому сундучку?

Он ненадолго задумался, пощипывая усы.

– «Всадник и змея».

– И сколько она стоит?

– Шестьсот дирхамов.

– Это же сорок фунтов! Для сундука слишком дорого.

– Я и говорю: товар у меня никудышный. Сундучок симпатичный, но не имеет никакой ценности.

– Тогда за что же я выложу шестьсот дирхамов?

Омар бен Мохаммед сложил руки с переплетенными пальцами на животе.

– За притчу.

Я вытащил три банкноты.

– Вот.

В следующее мгновение хозяин магазина спрятал деньги в потайной карман, и берберский сундучок был обернут мятыми газетными листами.

– Хороший выбор, – похвалил Омар.

– Но вы сами говорили: ничего стоящего у вас нет.

– Может, сундук и не хорош, – сказал Омар, – но вот притча «Всадник и змея» стоит в три раза дороже того, что я с вас взял.

Откинувшись в кресле, Омар бен Мохаммед уставился на круг света от лампы и начал.

– Давным-давно, еще в прежние времена, на расстоянии многих дней пути отсюда существовало королевство под названием Земля горшков и сковород. Жители этого королевства были счастливы и жили в достатке, продавая горшки и сковороды в соседние королевства.

Торговец замолчал, передавая мне стаканчик со сладким чаем из мяты.

– Так вот, в Земле горшков и сковород водились разные звери: львы, тигры, крокодилы, даже кенгуру. Не было только змей. Никто из жителей никогда не видел змею, даже не представлял, как она выглядит.

– Однажды дровосек прикорнул в лесу, а в это время длинная зеленая змея подползла к спящему и через раскрытый во сне рот дровосека проникла ему в горло. Дровосек проснулся, задыхаясь. С трудом поднявшись, он в ужасе замахал руками, издавая громкие стоны.

– По счастливой случайности мимо как раз проезжал всадник. Он увидел, как охваченный ужасом дровосек размахивает руками. Всадник прибыл из соседних земель, где змеи водились в изобилии: он тут же понял, в чем дело. Схватив плеть, всадник соскочил с коня и, подбежав к дровосеку, стал со всей силы стегать беднягу по животу.

– Дровосек пытался увернуться, но полузадушенный змеей и исполосованный ударами ни с того, ни с сего напавшего всадника, упал на колени. Змее внутри дровосека стало неудобно – она поднялась по горлу и выползла. Всадник убедился, что опасность дровосеку больше не

угрожает, молча вскочил на коня и ускакал. Будучи родом из земель, где такие случаи не редкость, всадник не придал происшедшему большого значения.

– Дровосек же, придя в себя, понял: всадник бросился к нему без лишних слов только потому, что время было дорого – ядовитая змея в любой момент могла ужалить.

Омар бен Мохаммед вручил мне обернутый газетами сундучок. И усмехнулся.

– Возможно, вы тем более оцените притчу, потому что заплатили. Вспоминайте ее – каждый раз притча будет открываться вам с неожиданной стороны.

Через час я уже сидел со своим сундучком в парикмахерской через дорогу, дожидаясь одного сказителя. Встречу организовал по моей просьбе Омар бен Мохаммед. Как только я с ним простился, он пулей вылетел из магазина – побежал хвастаться удачной продажей «Всадника и змеи».

Так вот, Омар с восторгом рассказывал: Мурад – человек необычный, его род существует вот уже двенадцать веков. И все предки были сказителями. Будучи столь знатного происхождения, Мурад отличается от обычных людей.

Я спросил Омара, что он имеет в виду.

Торговец поднялся во весь рост – метр шестьдесят с небольшим – и воздел руки как при молитве.

– Слова – вот что течет в его жилах! – провозгласил он. – А не кровь, как у нас с вами.

Когда я сел на потертый диван, парикмахер, как водится, не обратил на меня никакого внимания.

Коротая время, я поинтересовался у парикмахера: слышал ли он о сказителе по имени Мурад?

Едва услышав имя, парикмахер просиял.

– Его голос подобен пению тысячи ангелов, слова слетают с его губ, изливаясь водопадом. Притчи, рассказанные Мурадом, завораживают.

– Так он личность известная? – спросил я.

Парикмахер потер руки.

– Да в Марракеше его каждый знает! – воскликнул он. – Завидев со своих балконов Мурада, жители радостно выкрикивают его имя. И в отчаянии рвут на себе волосы, когда он скрывается из виду.

Восторженные отзывы парикмахера произвели на меня впечатление. Я сидел на стареньком диване, смущенно ерзая, и с нетерпением ждал встречи.

Прошло сорок минут. Парикмахер полез в ящик под зеркалом и нашел среди всякого хлама старый компакт-диск. Помазал его кремом для бритья, смыл пену и аккуратно протер насухо. Вставил в магнитофон в ящике под раковиной, и по улицам старого Марракеша поплыли звуки песни Боба Дилана «Мистер Тамбурин».

И тут стремительно вошел Мурад.

Как-то раз – мне тогда было восемь – отец вернулся из путешествия по Востоку. С ним приехали два набитых подарками коричневых кожаных чемодана. И – шепелявый, рыжеволосый толстяк. С детства помню – в нашем доме не переводились гости. Многие из них так и остались для меня незнакомцами. Но я догадывался: этот людской круговорот неспроста, он как-то связан с отцом.

Толстяк поселился у нас в мансарде, откуда время от времени спускался и рассказывал нам притчи.

Я уже не помню, как его звали, откуда он. Но мне нравилось воображать, будто отец повстречал его в дальних краях и уговорил приехать к нам в Англию.

За те месяцы, что рыжий толстяк пробыл в нашем доме, он познакомил нас с известными персонажами арабского фольклора. Толстяк пересказал своим шепелявым голосом десятки сказок из «Тысячи и одной ночи», после чего перешел к другим собраниям историй, малоизвестным на Западе: «Жизнь и подвиги Антарь», «Макамы» аль-Харири. Детский ум соединил услышанные в разное время отрывки – получилась осмысленная история. Мы, дети, считали, что толстяк появился в доме исключительно с целью нашего развлечения. Он и развлекал. Только годы спустя я понял: толстяк выполнял роль наставника.

Притчи он рассказывал не просто так – в каждой содержалась определенная мораль. Подобно персику с вкусной мякотью рассказ облекался в занимательную форму, благодаря чему крупницы знания проникали в душу, пуская ростки. Каждый день толстяк поднимался к нам в игровую. Иногда у нас были друзья, и тогда мы садились вокруг него по двое – по трое. Убедившись, что мы готовы слушать, он шепелявым голосом начинал.

Из всех рассказанных им историй мне больше всего запомнилась притча под названием «Райская вода».

«Давным-давно жил пастух-бедуин, кочевавший со стадом по необъятной пустыне. Как-то раз он заметил, что одна из овец лижет песок. Усталый пастух побрел к овце и с изумлением обнаружил бивший из земли источник. Он склонился и попробовал воду. Как только первая капля попала ему на язык, он понял: вода необычная. Такой вкусной воды пастух в жизни не пробовал.

Отпив еще, пастух вдруг преисполнился чувством долга. Он, скромный подданный великого Харуна ар-Рашида, решил поднести воду в дар правителю.

Заполнив райской водой самый надежный бурдюк, пастух оставил стадо на попечение брата, а сам отправился через песчаные дюны к Багдаду. Преодолевая преграды, мучимый жаждой, он через много дней пути подошел к дворцовым воротам. Стражники поначалу отогнали его, грозя отрубить голову, если он станет докучать им. Но пастух не отступался. Подняв над головой бурдюк, он прокричал: «У меня подношение калифу. В этом бурдюке – райская вода».

Огромные ворота приоткрылись, и бедуина втащили внутрь. Не успел он опомниться, как уже лежал ниц перед тронем, на котором восседал сам Харун ар-Рашид. Подданные засуетились вокруг правителя, калиф же потребовал у пастуха ответа: зачем тот пришел?

Протягивая разящий потом бурдюк, пастух сказал: «Ваше величество, я человек простой, кочую по пустыне. И живу очень скромно. Но вот недавно перегонял овец из оазиса в оазис и нашел источник с самой вкусной водой на свете. О ней рассказывали еще отцы и праотцы, но до сих пор никому не случалось попробовать ее на вкус. Ваше величество, примите мое подношение».

Харун ар-Рашид щелкнул пальцами – ему подали кубок из чистого золота на украшенном драгоценными камнями подносе.

Он кивнул в сторону бурдюка – слуга в великолепных одеждах выхватил у пастуха бурдюк и плеснул из него в кубок. Прежде калифа из кубка отпил телохранитель. Убедившись, что с телохранителем ничего не произошло, кубок передали калифу.

Харун ар-Рашид коснулся губами края, вдохнул запах воды и попробовал ее на вкус.

Пастух и все придворные замерли, в волнении подавшись вперед.

Харун ар-Рашид, Повелитель дня и ночи, ничего не сказал.

Выждав, визирь склонился к уху калифа: «Ваше величество, отрубить этому пастуху голову?»

Харун ар-Рашид в задумчивости потер подбородок. Он поблагодарил пастуха за подношение, а визирю шепотом отдал тайное распоряжение: «Пусть под покровом ночи пастуха отведут к его стаду, – сказал калиф, – но проследи, чтобы по дороге он не увидел могучей реки Тигр и не попробовал великолепной речной воды, которую мы находим вполне обыкновенной.

Награди его тысячей золотых и объяви, что он и его потомки назначаются хранителями Источника райской воды».

Глава седьмая

Тот стал метким стрелком, кто метил дальше меня, своего учителя.

Саади из Ширази

Сказитель Мурад был одет как дервиш – в залатанной шерстяной джеллабе, голова вместо тюрбана обмотана полоской ткани. Из-за катаракты на глазах у него словно образовалась корочка льда, покрытое шрамами лицо было плоским, выделялись лишь пухлые щеки. Особенно меня поразили пальцы Мурада – длинные и изящные, я невольно задержал на них взгляд.

Едва Мурад вошел, парикмахер выронил бритву; наклонившись за ней, он на мгновение стал похож на ворона с покалеченным крылом. Затюканные мужья, спасавшиеся от жен в парикмахерской и сидевшие в засаленных креслах, благоговейно склонили головы. Следуя их примеру, поклонился Мураду и я. После чего представился.

Сказитель протянул изящную руку, ожидая, пока я отвечу на рукопожатие.

– Ас-саламу ‘aleyкум, – негромко, сиплым голосом приветствовал он.

Мурад поинтересовался, купил ли я что у Омара бен Мохаммеда? Мне подумалось: вряд ли его интересует берберский сундучок, скорее – прилагавшаяся к вещице притча. Хотя я несколько удивился тому, что он не заметил сундук на полу.

– Притчу «Всадник и змея», – ответил я.

И хотел было пожаловаться на дороговизну, но тут Мурад шагнул ближе.

– Есть в этом мире вещи бесценные, – сказал он, касаясь моей руки, – как вот эта притча. Она подобна драгоценному камню. Поднесите ее к свету, посмотрите с разных сторон – она вспыхнет рубином.

В это самое время в парикмахерскую тихонько проскользнула очередная группа мужчин – они явно прятались от жен. Увидев сказителя, мужчины почтительно склонили головы, приветствуя его пожеланием мира.

– Пойдемте-ка туда, где нам не помешают, – мрачно произнес Мурад.

Я подхватил сундук. Сказитель повел меня узкими улочками в направлении зеленой мечети. Я старался не терять из виду залатанный край его джеллабы, мелькавшей между прилавками со всевозможным товаром: розовыми нейлоновыми кофточками, говяжьими копытами, рисом...

На улочках Марракеша многолюдно, они запружены гужевым скотом, заставлены лавками – передвигаться по ним совсем непросто. Я наблюдал за местными, с рождения живущими в медине: они не идут, а будто скользят, мгновенно отступая вправо или влево, дабы избежать столкновения с груженой телегой, слепым попрошайкой или навьюченным мулом.

В свое время Мурад наверняка отличался большей ловкостью. Сейчас же он шел пошатываясь, то и дело хватаясь за стену.

Молча следуя за маячившей впереди джеллабой, я гадал: куда меня ведут? Вдруг джеллаба скрылась в низком дверном проеме с облупленной краской и замелькала по извилистому проходу. Я поспешил вдогонку, хотя берберский сундук и замедлял мой шаг. Дойдя до конца, мы стали подниматься по лестнице и оказались в помещении с высоким сводчатым потолком. На полу совершенно пустой комнаты лежал матрац и куча тряпья, по всей видимости, заменявшая одеяло.

Мурад пошарил по матрацу, и мы сели по краям, друг против друга.

– Вот тут я и живу, – сказал он. – Чувствуйте себя как дома.

После обмена малозначительными фразами я повел разговор о главном.

– Моему другу приснился сон, поэтому я здесь, – сказал я.

Соединив изящные пальцы домиком, сказитель приготовился слушать.

– Он приглашает вас в Касабланку – рассказывать притчи. Моего друга беспокоит то, что Марокко теряет свою самобытную культуру, повсюду – засилье мыльных опер. Он надеется на вашу помощь.

Мурад ответил не сразу. Он сидел на краю матраца, едва заметно покачиваясь взад-вперед в глубокой задумчивости. Я уже начал сомневаться, что он вообще заговорит, но тут Мурад произнес:

– Ваш друг и прав, и неправ.

– Что вы имеете в виду?

– Притчи. Их значимость.

Сказитель взял ветошь, пропуская край ткани между пальцев.

– Чтобы разбираться в притчах, надо разбираться в людях, – сказал он. Главное в этом деле – слушатели. Завладев их вниманием, вы обретете великую силу.

– Но по телевизору...

– Забудьте про него, – сказал Мурад как отрезал. – Телевизор – вещь бесполезная – люди смотрят на картинки, теряя способность фантазировать. Пробудите в них интерес, и они станут воспринимать не глазами, а ушами.

Мурад поморгал. Он сидел неподвижно, словно бронзовый Будда: сложив руки на коленях, уставившись глазами, словно подернутыми корочкой льда, прямо перед собой. Я что-то сказал, уж и не помню, что. Впрочем, Мурад меня все равно не услышал – он прислушивался к выкрикам разносчика рыбы, долетавшим с улицы.

И тут меня осенило: а ведь Мурад слепой!

Толстяк уже несколько недель жил у нас; как-то вечером он протянул мне спичечный коробок.

Я раскрыл коробок – внутри лежал гольш. Серый с голубоватым отливом, ярко-белая жилка с одного края.

Толстяк, которого мы прозвали Шлёпкой – он вечно ходил в шлепанцах, – вытряхнул гольш из короба мне на ладонь.

Я потер его о щеку.

– Гладкий.

Шлёпка улыбнулся и прошепелявил:

– Конечно, ведь он побывал на самом краю света.

Я лизнул гольш.

– Солоноватый.

– Он лежал в глубоком, бескрайнем океане.

Я взвесил гольш на ладони.

– Тяжеленький.

– Да. А в воде ничего не весит – как пушинка, – сказал Шлёпка.

– Но это же всего-навсего гольш, – возразил я.

Толстяк едва заметно усмехнулся.

– Ну да, для глупца – всего-навсего гольш.

Мурад рассказал, что зрение у него никогда не было хорошим. Он отличал свет от темноты, видел размытые очертания предметов, но и только.

– Я никогда не мог положиться на зрение, – сказал он во время нашей следующей встречи в кофейне «Аргана» на главной площади.

Я спросил: как же в таком случае он обходится?

Мурад хохотнул.

– Как? Закрой глаза, и откроется сердце.

Официант принес чашки разбавленного молоком горячего шоколада. Приятный вкус после горького черного кофе. Мы сидели в углу террасы на верхнем этаже; я обзирал толчею на площади внизу, Мурад прислушивался к гомону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.